

ИЗ АВСТРАЛИИ В КОММУНУ ЛЕНИНА

ЕЛЕНА ГОБОР

Из Австралии в коммуну Ленина

Елена Говор

Алчеринга
Канберра 2026

Elena Govor
From Australia to Lenin Commune

© Елена Говор 2026

All rights reserved

ISBN 978-0-9580800-7-1 (paperback)

Книга «Из Австралии в коммуну Ленина» посвящена истории группы российских эмигрантов, приехавших в Австралию накануне Первой мировой войны, и в 1924–1925 годах отправившихся в коммуну имени Ленина в Ире в Кирсановском уезде. Реконструкция жизни этого временного сообщества россиян в процессе транзита знакомит читателя с особенностями миграций и умонастроениями россиян в начале XX века. Автор, историк Елена Говор, подготовила исследование на основе архивных документов и газет Австралии, Советского Союза и русского зарубежья, а также семейных архивов коммунаров при содействии участников инициативной группы «Ирская коммуна».

На первой странице обложки: Первая группа австралийских коммунаров 1924 года накануне отплытия из Брисбена (оригинал фотографии, реконструированной для книги с помощью ИИ, в Краеведческом музее Кирсановского округа)

На задней странице обложки: встреча автора с внуками Федора Баскакова в 2007 году.

Оформление Рафаила Кабо

Между прошлым и будущим

Первый раз я встретила с героями этого исследования 20 лет назад, когда Интернет только становился источником информации, связующим страны и континенты. В поисках материалов о российских дореволюционных иммигрантах в Австралии я обнаружила на одном из генеалогических сайтов упоминание о Федоре Баскакове: «из Китая он уехал в Австралию, откуда вернулся в 1924 году и приехал в коммуну имени Ленина», – писал его родственник.¹ А через несколько месяцев, выступая в Доме русского зарубежья в Москве с рассказом о первых русских эмигрантах в Австралии, я встретила внуков Федора Баскакова – Юрия и Сергея – представителей новой России, устремленной в будущее, которые поделились семейными сокровищами из далекого прошлого – австралийскими фотографиями их деда на рубке сахарного тростника и его партийным билетом – он был членом Коммунистической партии Австралии. Баскаков не числился среди известных российских революционеров в Австралии таких как Федор Сергеев (большевик Артем) и Александр Зузенко, о которых писали историки, но была в его истории важная деталь – он стал жертвой сталинских репрессий, и в его судьбе, как в капле воды, преломилась история русского дореволюционного исхода и возвращения, что заставило меня внимательнее взглянуть в его жизнь.

Так Федор Баскаков стал одним из героев моего исследования «Из Австралии в ГУЛАГ», для которого я уже много лет собираю материалы. Но в последние годы произошла удивительная вещь – группа энтузиастов, связанных с той самой коммуной, в которую приехал Баскаков, создала вебсайт и площадки в соцсетях, посвященные ее истории и возрождению земель, на которых она располагалась.² Здесь я, с моим знанием австралийских архивов и материалов, встретила множество замечательных людей – потомков и родственников коммунаров, которые делятся семейными архивами и воспо-

Федор Баскаков (слева) на рубке сахарного тростника в Австралии (из архива семьи Баскаковых, реставрация цвета с помощью ИИ)

минаниями, музейных работников, и специалистов по исследованиям в российских или американских архивах. Оказалось, мы все держим части головоломки, фигурки которой разбросаны между континентами, и только благодаря общим усилиям мы можем восстановить целое – страницы прошлого, которое помогает понять и наше настоящее и будущее.

Итак, в путь!

В счастливую страну за океаном

Хотя основателями коммуны имени Ленина, первоначально называвшейся коммуна Ира, были российские репатрианты из Америки, австралийская когорта в ней тоже сыграла свою важную роль. Австралия как страна русской эмиграции, в отличие от Америки, менее известна. Массовое эмиграционное движение в нее началось в 1909 году, достигнув своего пика в 1913–14 годах, когда в страну въезжало свыше тысячи россиян в год. У этой эмиграции были свои особенности. Она направлялась из Сибири и Дальнего Востока в северную часть Австралии, в штат Квинсленд. Этнически она была преимущественно русско-украинской, хотя встречались в ней и поляки, и евреи, и белорусы. Характерно, что большинство участников этой эмиграции также были новоприезжими и в Сибири, то есть для них эмиграция в Австралию была уже вторым переселением.

Сибирь и Дальний Восток привлекали русских переселенцев в начале XX века по многим причинам. Главным источником массовой миграции туда была переселенческая политика Столыпина, когда крестьянам из малоземельных районов России и Украины давались подъемные и предоставлялся транспорт и льготы при поселении на новом месте. Особенно это движение усилилось после завершения строительства Транс-Сибирской железной дороги в 1905 году. Но и сама эта дорога привлекла огромное количество работников – рабочих-строителей, мастеровых, инженеров, служащих. Оставались на Дальнем Востоке и участники Русско-японской войны, и ссыльные – отбывшие свой срок или бежавшие из мест лишения свободы и жившие на нелегальном положении. Для кого-то Дальний Восток становился золотым дном, американским Дальним Западом, но для многих он не оправдывал ожиданий лучшей жизни.

И здесь вступила в свою роль характерная для русского менталитета мечта о Беловодье, о стране с молочными реками в кисельных берегах, где земли всем вдоволь и царит свобода

и справедливость. Эта извечная русская легенда подверглась некоторой модернизации – во время первой русской революции 1905-1907 годов в России начали печататься многочисленные исследования об Австралии – счастливой стране за океаном, где у власти рабочее правительство, 8-часовой рабочий день, большие заработки, свободной земли предостаточно, а еще свобода и вечное лето. Самих книг большинство наших героев не читало, но факты и представления, изложенные в них, стали распространяться среди дальневосточных и сибирских мигрантов как лесной пожар. Усиливали этот интерес и иммиграционные агентства, связанные с пароходными компаниями, представляя условия в местах переселения в радужном свете.

Это добавляло к этой эмиграции еще одну важную особенность – ее временный характер. В Австралию многие ехали не навсегда, а на заработки, видя себя не иммигрантами, а эмигрантами.

Отзвуки этих историй и настроений звучат и в воспоминаниях коммунаров и их родственников. «В 1914 году в январе месяце из своей деревни [хутор Угольный, Орловской губ.] – пишет в своей автобиографии Федор Баскаков – уехал на заработки к своему брату Баскакову А.М. на Кругобайкальскую железную дорогу. Проработал там до мая месяца 1914 года и в этом же году в конце мая месяца вместе с односельчанином Савковым Иван Андреевичем уехали в Австралию».³ Анна Евстафьевна, дочь коммунара Евстафия Пилипенко, в 1997 году на вопрос корреспондента «Как ваша семья оказалась в Австралии?» отвечает: «Отец мой был украинец. Работал на железной дороге, ездил по Сибири. На одном из полустанков увидел маму, остался там, женился. Когда у них родился первый ребенок, они решили попытать счастья в Австралии».⁴ К воспоминаниям Анны можно добавить, что ее отец значится среди раненых под Коатайдзы в Маньчжурии, где проходили кровопролитные бои 28-29 сентября 1904 г. во время Русско-японской войны.⁵ Очевидно что он, уроженец Черниговской губернии, остался в Сибири после окончания войны. Алек-

сандр, родственник Красиковых, тоже думает, что их семья уехала в Австралию «за лучшей жизнью».⁶

В то же время российский исход в Австралию накануне Первой мировой войны нельзя назвать чисто экономической эмиграцией. Небольшую группу среди этих эмигрантов составляли политические, бежавшие из ссылки и каторги, члены политических партий, преследуемые властями. К этой же категории можно отнести лиц, покидавших Россию перед призывом в царскую армию. Но наряду с этим недовольство русскими порядками, властями, политическим режимом было характерно для многих эмигрантов. К политическим позициям героев нашего повествования мы еще вернемся.

Путешествие в Австралию, как это часто бывает в эмигрантских историях, приобретает черты своего рода мифологизированного «обряда перехода». Вадим Соболев, родственник Баскаковых, очень хорошо передал отзвуки этих драматических событий, сохранившихся в семейных преданиях: «Я слушал его [Андрея Баскакова] рассказы, как они с братом Федором – он в дальнейшем стал одним из руководителей коммуны, инициатором ее создания – как они с небольшой группой селян в дореволюционные годы решили [отправиться] для поисков лучшей жизни в Австралию. Надо представить их путь сначала до Сибири по дорогам – тогда еще не было железной дороги – через границу с Китаем они переходили едва ли не незаконным способом. Далее через какие-то горные хребты они пробирались дальше в Китай. Там им пришлось преодолевать какие-то горные потоки с ледяной водой». «Уехали нелегалами», – говорится и в воспоминаниях дочери Пилипенко.⁷ В принципе выезд в Австралию из Сибири в те предвоенные годы не был столь уж сложным. Если действовать официальным путем, то выезжающие из Российской Империи должны были получить паспорт и такой документ был, например, у более состоятельной семьи Красиковых (они числились мещанами города Ачинска). Но в Харбин, в Манчжурию, на территорию вдоль железной дороги, взятую Российским прави-

Маршрут судов
из Японии в
Австралию

тельством в концессию у Китая, можно было перейти и полулегально без российского документа.

Дальше было все довольно просто. В Харбине и в Дайрене (ныне – Далянь) располагались пароходные компании, агенты которых стремились заполучить иммигрантов. В Австралию иммигрантов доставляли японские грузопассажирские пароходы – «Кумано Мару», «Явата Мару» и «Никко Мару»; небольшое количество пассажиров из дальневосточных портов перевозили также британские корабли «Сент-Олбанс», «Олденем», «Эмпайэ», «Истерн». Что касается въезда в Австралию в те годы, то ни паспорта, ни денежного залога, ни разрешения на это не требовалось. Эмигранты просто покупали билет на корабль, назвавшись любым именем, и сходили на берег в Австралии. Не удивительно, что поэтому первые годы их пребывания в Австралии не всегда надежно документированы.

Из когорты исследуемых нами коммунаров только Федор Антошин и Алексей Черкашин приехали на заре дальневосточной эмиграции, в 1910–1911 гг. Остальные же прибыли позже, в 1913–1914 гг., незадолго до начала Первой мировой войны. Характерно, что многие из них высаживались с корабля на севере Австралии – в Кэрнсе или в Таунсвилле, даже не доезжая до Брисбена – центра русской общины. В отличие от Брисбена, пассажирские списки для этих северных портов недоступны и дату прибытия таких иммигрантов можно установить лишь по их последующей регистрации в качестве иностранных подданных. В то время как в Брисбене была налажена государственная система для приема и распределения имми-

грантов на работу, в северных портах они полагались на контакты с соотечественниками.

Сент-Олбанс

Именно о таком случае писал в своей автобиографии Федор Крухмалев: «Когда пароход Св. Олбанс пришел в город Кэрнс, я увидел в публике русского товарища Панфилова М., с которым я работал в Иркутске. Мы сошли с парохода, поговорили и он мне сказал, чтобы я остался в Кэрнсе, где можно получить работу у подрядчика, у которого он и сам работал».⁸ Забегая вперед отметим, что Михаил Панфилов сыграет большую роль в истории организации переезда наших героев в коммуны Ира, хотя сам в конечном итоге в нее не попадет.

В «Рабочем раю»

В те годы австралийский штат Квинсленд с распростертыми руками принимал молодых, здоровых иммигрантов, способных к тяжелому физическому труду. Представители нашей когорты эмигрантов – от 39-летнего Алексея Черкашина, (который в пассажирских списках записался 33-летним!) до 18-летнего Федора Баскакова – были именно такими. Они быстро находили работу в местах, где требовался тяже-

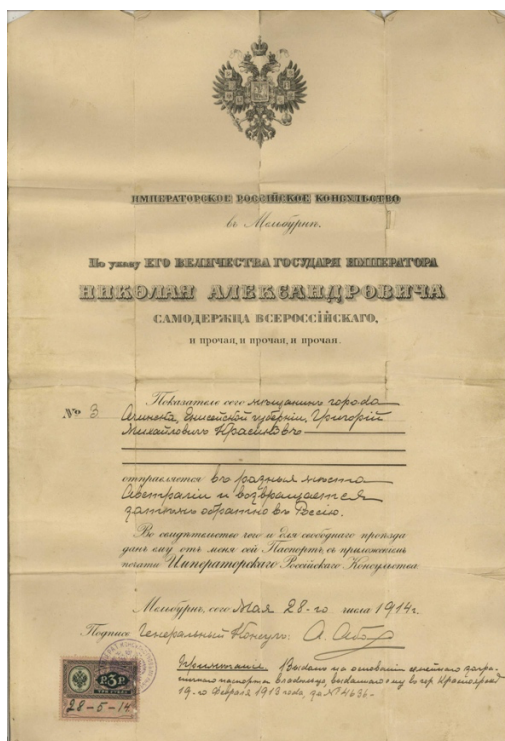
лый физический труд – на строительстве железных дорог, на рубке сахарного тростника или на рудниках. Баскаков, например, прошел все круги австралийского рабочего «рая». В автобиографии он писал: «В Австралии проработал 10 лет на следующих местах. С 1914 по 1917 г. на разных работах по фермерам (помещикам) на сахарных тростниковых плантациях, на рубке леса, на балластных поездах. С 1917 по 1919 г. работал [на рубке] сахарного тростника, с 1919 по 1920 г. на новостроящейся железной дороге [в Тарзали], с 1920 по 1921 г. включительно на металлургическом заводе и потом, по 1924 г., работал опять рубчиком [так русские там называли рубщиков] сахарного тростника у фермеров».⁹ Сходные места работы в Северном Квинсленде можно проследить и у других иммигрантов по их досье регистрации иностранных подданных, которые полиция начала вести с октября 1916 года, во время Первой мировой войны. Оплата на такой работе была очень высока по русским меркам, но жизнь была неимоверно тяжела и опасна.

Русские рубщики сахарного тростника в Квинсленде (из архива семьи Баскаковых, реставрация цвета с помощью ИИ)

Особенно трудно приходилось женщинам. Григорий Красиков из Ачинска под Красноярском приехал в Австралию в 1913 году с женой Елизаветой и тремя детьми в возрасте от

шести до двух лет. Через несколько месяцев у них родился сын Александр. Мальчик умер 5 месяцев спустя, семья в это время жила в городке Куридала, в засушливой пустынной местности на северо-западе Квинсленда, где Григорий, вероятно, нашел работу на медных рудниках. Не удивительно, что эта трагедия повлияла на семью, и его жена Елизавета с детьми на некоторое время вернулась в Россию. Этим, возможно, объясняется сохранившийся в Национальном архиве Австралии паспорт Григория, выданный вскоре после смерти Александра российским консульством в Мельбурне на основании их русского семейного паспорта. Возможно, что с семейным паспортом его жена с детьми поехала в Россию, а Григорий для себя оформил копию в консульстве. В 1925 году, при выезде из Австралии, эту копию у него забрала таможенная служба.¹⁰

Паспорт Григория Красикова, выданный российским консулом в Австралии (Национальный архив Австралии)

Из Куридалы в Квинсленде Григорий Красиков отправился еще дальше – на неосвоенную Северную Территорию, где большая группа русских работала на строительстве железной дороги. В Квинсленд он вернулся в 1916 году, поселившись в Гордонвейле, на севере штата, в центре выращивания сахарного тростника. Елизавета с тремя детьми во второй раз отправилась в Австралию через Моджи, в Японии. В семейном архиве Красиковых сохранилась фотография детей, сделанная вместе с пароходным агентом-переводчиком К. Танака, организовывавшем переезд русских в Австралию. Вместе с детьми Красиковых там сфотографированы девочки из русско-еврейских семей Дубровских и Лариновских, которые вместе с ними на корабле «Сент-Олбанс» ехали в Сидней. Красиковы сошли с корабля в Кэрнсе, где их уже ждал Григорий, чтобы еще раз начать свою австралийскую жизнь.

Дети Красиковых Нина (стоит, вторая слева), Миша и Поля (сидят, слева) с детьми Дубровских и Лариновских и пароходным агентом К. Танака (архив семьи Красиковых)

«Из верноподданных переселенцев в ярых социалистов»

Десять-пятнадцать лет, которые будущие коммунары прожили в Австралии до отъезда в 1924–1925 годах, были динамичными и бурными. Менялся мир – Первая мировая война, Февральская и Октябрьская революции в России, Гражданская война и интервенция, – менялось отношение к русским, менялись состав и «химия» русской общины. Все это отражалось и на когорте наших будущих коммунаров.

В то время как российская дореволюционная эмиграция в Австралии видится и историками, и последующей «белой» эмиграцией как «красная», революционная, в ней, как и в любой эмиграции, было множество градаций, оттенков и водоразделов. И здесь интересно понять в каких условиях сформировались наши убежденные коммунары 1924–1925 годов.

Начать нужно с того, что среди первых групп эмигрантов, прибывавших в Брисбен с 1909 года значительный процент составляли настоящие политические – бежавшие из ссылки и каторги. Именно они налаживали связи и основывали первые русские общества и клубы и руководили ими, издавали газеты, создавали библиотеки, проводили собрания, организовывали концерты и ставили театральные постановки. Среди них, как и в России в целом, значительный процент составляли эсеры и меньшевики, которые намного превышали численность большевиков. Были среди этих эмигрантов и бывшие народники, и анархисты, и безгосударственники. Немало было и лиц без четко определенной партийности, но разбуженных Революцией 1905–1907 годов или пострадавших от царских репрессий за участие, например, в профсоюзной деятельности. Хотя на первых порах и им пришлось пройти боевое крещение тяжелым физическим трудом в австралийской глубинке, со временем многим из них удалось осесть в Брисбене.

Начиная с 1910 года все больший процент среди новоприбывших иммигрантов составляли крестьяне и рабочие,

ехавшие за так называемой «лучшей жизнью». Они готовы были заниматься тяжелым физическим трудом и, получая большие заработки, копили деньги для возвращения в Россию. Именно о них писал рабочий Николай Блинов: «Среди нас преобладали люди, которые только и мечтали вернуться с деньгами в Россию. Это мешало их политическому развитию и усвоению идей профессионального рабочего движения». Политэмигрант Р. также отмечал, что большую часть составляли рабочие и крестьяне, эмигрировавшие в Австралию с целью заработать сотню, другую фунтов стерлингов, чтобы, вернувшись на родину, упрочить свое имущественное положение».¹¹ О них же, с другой стороны баррикад, писал в 1914 году и генеральный российский консул в Австралии Александр Абаза, полагавший, что «громадное большинство» в русской колонии состоит из «людей вполне благонамеренных, приехавших сюда лишь в надежде на лучший заработок».¹²

Один из современников оставил зарисовку Кэрнской русской общины в конце 1914 года: «Рождественские праздники в Керенсе проведены были русскими так, как их и полагается проводить «православным»: было выпито много, был случай воровства. Одного не хватало для полноты картины – драки. И, несмотря на большой съезд русских, не было устроено ни одного общего собрания. Имеется здесь анархистская группа, единственная организация, которая должна была взять на себя инициативу устройства собраний. Но собраний почему-то не было».¹³

Динамика между двумя этими группами – политической и экономической – постепенно менялась. «Политические» стремились политизировать «трудовых» иммигрантов через деятельность Союза русских эмигрантов, который с 1915 г. получил более классово-ориентированное название Союз российских рабочих. Именно об этом Абаза писал в 1914 г., утверждая, что русские «подпадают под пагубное влияние бежавших из России политических преступников и в скором времени превращаются из мирных, верноподданных переселенцев в ярых социалистов и анархистов».¹⁴ Союз российских

рабочих достиг своего расцвета к 1917 году, когда в его рядах состояло около половины всех российских иммигрантов. Однако сразу после Февральской революции, когда Временное правительство объявило о своей финансовой поддержке политическим эмигрантам для возвращения на родину, главные силы «политических преступников» во главе с большевиком Артемом (Ф.А. Сергеевым) в течение нескольких месяцев вернулись в Россию. Затем были депортированы австралийскими властями оставшиеся политические лидеры русской общины, возглавившие политическую демонстрацию русских под красными флагами 23 марта 1919 года в Брисбене. За демонстрацией этой последовал погром русского квартала в Брисбене, проведенный австралийскими фронтовиками, вернувшимися с фронтов Первой мировой войны и эти события вошли в историю под названием Бунты красного флага. Трудовые иммигранты, которых австралийское правительство не выпускало из страны до 1920 года, оказались без единого руководства со стороны профессиональных революционеров.

Как менялись их позиции можно посмотреть на примере нашей когорты будущих коммунаров. Федор Крухмалев, рабочий-столяр, был разбужен Первой русской революцией. «После конца Русско-японской войны, – писал он в Автобиографии, – в конце 1905 года нас не хотели демобилизовать, мы организовали забастовку. Только после этого нас демобилизовали. Когда я приехал в Иркутск, в городе происходили митинги и собрания, в которых я и принимал активное участие. В 1907 году я поступил работать в Иркутскую военно-обозную мастерскую, где и познакомился с политическим ссыльным студентом. Скоро у нас образовался тайный кружок. Меня выбрали библиотекарем, хранить нелегальные книги. Был такой случай: рабочие запротестовали, что мал заработок, собрались в цеху послали меня к начальнику мастерских полковнику Бирюкову просить выйти к рабочим. Когда он пришел, я выступил в защиту рабочих. После этого полиция сделала у меня в квартире обыск, но хранящихся у меня книг не нашла. Собрался наш кружок у меня на квартире. На столе самовар ки-

пит, чашки, бутылки, рюмки, а мы обсуждаем, как сделать 1-е мая нерабочим днем несмотря на то, что по нашим мастерским был приказ о том, что считать 1-е мая рабочим днем. Поздно вечером стук в дверь. Полиция с обыском. Их начальник спросил меня: что это у вас? Я ответил, что это именины. А вот случай в Иркутске. Перед открытием памятника Александру III мы распространяли ночью прокламации. И вдруг из-за угла конная полиция. Нам случайно удалось скрыться в темноте пустыря. После всех этих событий стало заметно, что за мной следят. И даже в тот цех, где я работал, был прислан новый человек. Обстановка была очень напряженная, ведь у меня жена, сын, дочь, что делать, какой выход? В это время я учился грамоте у ссыльного учителя за плату в 8 р. в месяц. Он-то и посоветовал мне поехать в Австралию».¹⁵ Отметим, что Крухмалев не говорит о своей принадлежности к какой-либо политической партии.

По всей видимости в революционном движении участвовал и Федор Семенович Анчишин из деревни Маслово Калужской губернии. Дело в том, что 19 мая 1917 г. российское посольство в Мельбурне выдало ему паспорт, который по решению Временного правительства обеспечивал ему свободный проезд для возвращения в Россию.¹⁶ Выдача таких разрешений контролировалась комитетом русских политэмигрантов в Австралии и распространялась только на участников революционного движения в России. К сожалению, пока сведений о его революционной деятельности найти не удалось.

Остальные наши герои на первых порах в революционное движение, как кажется, вовлечены не были, а некоторых из них можно отнести к тем, кто поехал в Австралию прежде всего «на заработки». Двое из них, – Анфиногентов и Бузмаков, – которые в 1923 году первыми отправились в Россию ходоками по заданию Кэрнской коммуны, принадлежали именно к этой категории. О Михаиле Анфиногентове Баскаков и Крухмалев в своей характеристике с явным неодобрением писали: «Работник он по хозяйственным работам хороший и честный. Всегда у него погоня была за деньгами, хотя своим собствен-

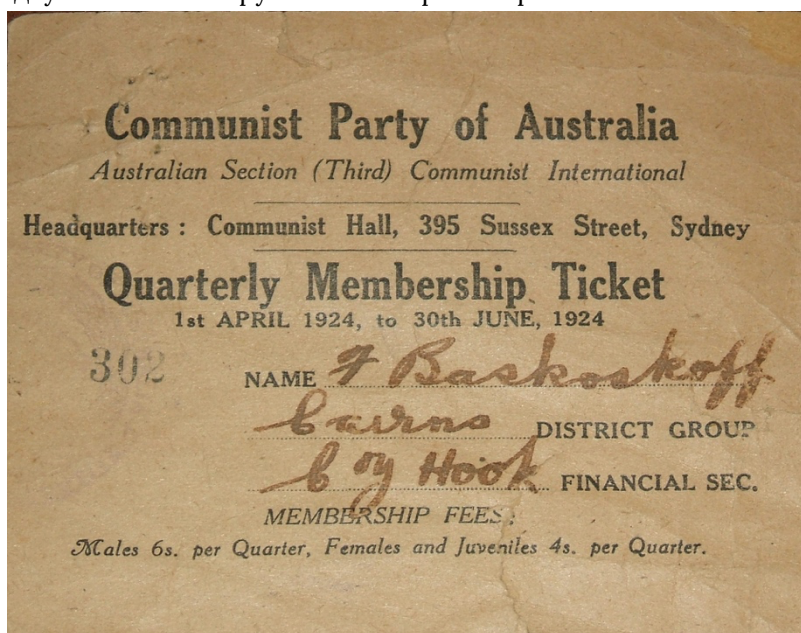
ным трудом у хозяина. Отказывал себе от некоторых удовольствий и развлечений дабы заработать побольше денег. ... В политических движениях тов. Афиногентов не участвовал. Ни в каких русских организациях не состоял».¹⁷ Василий Бузмаков, приехавший в Австралию в 1914 г., к 1918 г. уже скопил 410 фунтов – по тем временам это была огромная сумма денег. Об этом стало известно благодаря полицейскому расследованию жульнического обмана, когда у Бузмакова выманили деньги его же русские приятели, пообещав ему участие в схеме беспроектных ставок на скаковых лошадей.¹⁸

Русские газеты, выходившие в Австралии в 1912–1917 гг., постоянно публиковали сведения о пожертвованиях русских иммигрантов на различные общественные цели. Многие из наших героев встречаются среди тех, кто поддерживал газеты и библиотеку. А вот на помощь ссыльным и политзаключенным в России деньги сдавали только Черкашин, Кальсин и Пильгуй. Против обязательного призыва в Австралийскую армию выступали только Крухмалев, Пилипенко и Рубан. Членские взносы в Союз российских рабочих платили только Анчишин и Крухмалев. Красиков в газете упоминается лишь один раз – он пожертвовал деньги на помощь больному товарищу. Никаких упоминаний не удалось найти о пожертвованиях Антошина, Баскакова, Панфилова, Щепалиных. Конечно, не все номера русских газет сохранились, но общую картину этот расклад по всей видимости отражает.

Несомненно, что на протяжении 1912–1917 годов происходило постепенное вовлечение русских рабочих в общественную жизнь под влиянием русских радикалов в Брисбене, – чего так опасался Абаза, – но кардинально картина стала меняться после Октябрьской революции и создания Коммунистической партии Австралии. Наши герои-рабочие, не принадлежавшие ранее к каким-либо российским партиям, теперь смогли сделать свой выбор сразу став сторонниками коммунистов и сделали они это через участие в австралийском рабочем движении. Например, Крухмалев в своей автобиографии пишет: «через 2 месяца [после прибытия] я вступил

в профсоюз и близко познакомился с австралийскими рабочими, с которыми работал у подрядчика. А когда организовалась Коммунистическая партия, я вступил в партию, один из рабочих австралиец был секретарем нашей организации, а я был от русских до отъезда в СССР. Мы получали газеты и книги на русском языке из Брисбена. Меня русские избрали библиотекарем, и до конца я был библиотекарем».¹⁹

Федор Баскаков также стал коммунистом, участвуя в австралийских организациях: «В Австралии состоял с 1920 по 1921 г. членом Лиги пропаганды молодежи, принимал активное участие в распространении политической литературы там, где приходилось работать. С июля 1921 г. по июнь 1924 г. состоял членом Коммунистической партии Австралии, Керенского отделения Северного Квинсленда. В Керенском отделе работал по распространению революционной литературы. Участвовал в двух забастовках рубчиков сахарного тростника».²⁰

Билет члена Коммунистической партии Австралии Федора Баскакова (архив семьи Баскаковых)

«Керенский отдел»

В 1917 году, с отъездом большевика Артема и ведущих политэмигрантов из Австралии, в среде российских иммигрантов началось дробление и противоборство отдельных групп, которые стремились объявить о своей коммунистической приверженности. Так, Союз российских рабочих принял название Союз российских рабочих коммунистов; от него откололась Группа русских рабочих, затем Брисбенская коммунистическая партийная организация. Происходили трения и между центральными группами в Брисбене и их филиалами на местах, которые также разбивались на отдельные группы и требовали большей автономии; при этом они брали названия, основанные на новых российских институтах, называя себя то советами, то ячейками. Подобное брожение происходило и среди австралийских социалистов, которые создали несколько коммунистических группировок, конфликтовавших друг с другом, делившихся и объединявшихся. Победила группа, признанная III Коммунистическим интернационалом. Эта Коммунистическая партия Австралии, основанная в 1920 году, имела отделение в Квинсленде и именно его членами и стали Баскаков и Крухмалев.

Кроме того русские в Кэрнсе были членами местного отделения Союза российских рабочих коммунистов (СРПК – Russian Workers' Union of Communists, Cairns Branch). Между собой эту организацию они называли очень по-русски «Керенский отдел». К сожалению, документация «Керенского отдела» не сохранилась, по крайней мере местонахождение ее неизвестно. Однако мы можем представить как она велась на примере другого отделения – Ипсвичского, материалы которого были вывезены в Советский Союз возвращавшимися реэмигрантами. Заседания отдела сопровождалось протоколами, велась финансовая отчетность, составлялся реестр книг в библиотеке, а также сохранялись получаемые отделом письма.

Печать Кэрнского отдела Союза российских рабочих коммунистов (РГАСПИ)

Именно среди писем Ипсвичского отдела сохранилось несколько писем из Кэрнской организации. На них можно увидеть их собственную печать, в которой использована традиционную коммунистическую символику – колосья, серп и молот на фоне лучей восходящего солнца и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» на английском языке. Сохранились письма в Ипсвич Крухмалева, Панфилова и Баскакова, и Ивана Савкова. Из них следует, что между отделами велась переписка и все сообщения из организаций Ипсвича и Брисбена зачитывались и обсуждались на общих собраниях Керенского отдела. Складывается впечатление, что в отличие от Ипсвича и Брисбена вовлеченных в бесконечные конфликты, членам Кэрнской группы была свойственна умеренность и обстоятельность. Еще в мае 1921 года, когда в Брисбене готовилась очередная «Конференция единения»,²¹ они приняли четкую резолюцию: «Отныне Керенский отдел будет вести пропаганду среди рабочих и среди организаций в духе единения, а потому прекращает всякие выступления против личностей и против организаций». В марте 1922 года секретарь Михаил Панфилов пишет, что задача «Керенского Союза ... работать

как можно ближе к III Интернационалу. ... И считаем своим долгом оставить в названии нашей организации слово Коммунистов».

В июне 1922 года Панфилов и Баскаков знакомят ипсвичан с новой декларацией их Союза. «Главным врагом» они признают «капитал» (а не представителей других социалистических групп – добавим от себя). Они перечисляют ряд практических задач таких как распространение австралийской газеты «Коммунист» и материальная и нравственная поддержка «приезжающих революционных ораторов». А дальше процитируем отрывок из декларации полностью несмотря на некоторое несовершенство изложения: «Короче говоря Союз русских готов работать со всеми организациями в защиту рабочих от притеснителей и угнетателей. С другой же стороны этот Союз не может взойти как целая часть в Коммунистическую Австралийскую партию, потому что состав членов имеет весьма разнообразный по убеждению и наклонностям и своим задачам и взглядам. Третий Интернационал требует со своих членов ответственной работы, мужества, самопожертвования своими интересами на общие блага и дела, идти в тюрьму и на виселицу за товарищей за идею освобождения. Как целая организация русских, то мы не существуем [sic] свой долг, лежащий на нас, а потому отказываемся как целая организация вступить в члены Коммунистической партии, но члены могут это делать, если они чувствуют за собой готовность для более действительной и ответственной работы на пользу рабочего класса.²² Именно так и поступили Баскаков и Крухмалев, вступив в Коммунистическую партию Австралии. Скорей всего членом Австралийской компартии стал и Панфилов.

Что касается коммунистической идеологии, то надо сказать, что в годы гражданской войны в Австралию доходили лишь самые общие положения об идеях и практике коммунистического строительства. Например член правления Брисбенского СРПК Александр Гохштант писал: «Мы стремимся просветить австралийских рабочих, но сами имеем смутное понимание о коммунизме».²³ Однако к началу 1920-х Совет-

ская Россия, через свою сеть в Америке, начала практическое вовлечение сторонников революции в строительство новой жизни. Первой задачей стала помощь голодающим.

Многие из будущих коммунаров в Австралии занимались сбором денег и сами вносили пожертвования для помощи Советской России. Члены Кэрнской организации были в первых рядах. Уже в ноябре 1921 года, когда в печати только шло обсуждение ситуации в России, сиднейская газета «Коммунист» писала: «Мы получили сообщение от Крухмалева, секретаря коммунистической группы Кэрнса, о пожертвовании 50 фунтов в пользу Фонда помощи голодающим. Это поистине пример для подражания для всех групп».²⁴ В январе 1922 года та же газета публикует списки взносов русских по подписным листам. Здесь мы встречаем имена будущих коммунаров И. и А. Савковых, Черкашина, Крухмалева, Бузмакова, Панфилова, Анчишина, семей Пилипенко и Красиковых, Баскакова.²⁵ В марте русские вместе с Лигой промышленной пропаганды организовали в Кэрнсе пикник, вся прибыль от которого пошла на помощь России. Среди организаторов мы встречаем Баскакова, Черкашина и Крухмалева.²⁶ Крухмалев писал об этих днях в своей автобиографии: «Когда началась революция в России, мы русские австралийцы собирались вместе и с большим интересом читали о событиях в России. Когда мы получали сведения о тяжелом положении, то собирали пособия и пересылали деньги в Советский Союз. В дальнейшем, по моему предложению, много раз выезжали за город, организовывали пикники, деньги собирали, пересылали в СССР».²⁷

Но Советская Россия вскоре выступила не только как страдающая от голода страна, но и как строитель нового мира, создав систему обществ технической помощи, которые сначала были учреждены в Америке. К 1922 году эта новая волна докатилась и до Австралии. В июле 1922 года Иван Савков писал, что в начале года в Кэрнсе было создано Общество технической помощи: «У нас около 20 членов, каждый из которых платит 5 шиллингов за вступление и 1 шиллинг ежемесячно, а

RUSSIAN FAMINE RELIEF FUND.

At the Railway and Tramway Institute a Jewish concert, in aid of the Russian Relief, was held on 24th December, 1921, which resulted in the following amount for the Russian Fund:—
The income: Takings £46/3/5½; less £11/11/11 expenses; clear takings, £34/11/5½.

Committee. Treasurer, Bert Balter; Secretary, B. Dubrow; Manager, M. Burlakov. Mr. White gave £1 for drinks.

Collected by J. Savkoff, Mourilyan.

	£	s.	d.
J. Savkoff	3	0	0
K. Chugunoff	5	0	0
E. Malkoff	0	10	0
T. Kolen	2	0	0
P. Basik	1	0	0
P. Drosdoff	1	0	0
J. Nuich	2	0	0
A. Cherkashin	1	0	0
H. Matke	0	4	0
J. Parchevsky	1	0	0
N. Karotkoff	1	0	0
Total	£17	14	0

Collected by F. Krukmaloff.

	f	s.	d.
S. Orloff	5	0	0
F. Krukmaloff	1	0	0
Mrs. Bardashevsky	0	10	0
Mrs. Drozdoff	0	10	0
V. Bousmakoff	5	0	0
N. Sidorkin	0	10	0
J. Shapalin	1	0	0
Mrs. Shapalin	1	0	0
N. Panfiloff	5	0	0
J. Queenkevich	1	0	0

Первая страница списка пожертвований в фонд помощи голодающим, собранных Иваном Савковым и Федором Крухмалевым

Также каждый член должен платить 6 пенсов с каждого заработанного фунта. 35 фунтов уже отправлены в торговую делегацию в Лондоне, и у нас есть несколько фунтов на руках. Также на основе этого Общества мы организуем сельскую эко-

номическую «Артель», и у нас уже 15 членов». К этой Артели мы еще вернемся, пока же отметим, что в первом опубликованном списке вкладов в отдел Общества в Кэрнсе отмечены Бузмаков, Пильгуй, Кальсин, Савковы, Панфилов и Баскаков, причем некоторые из них делают большие взносы, вплоть до 5 фунтов.²⁸ В декабре 1922 года отделение Общества организуется в Сиднее. Из его программы видно, что все эти общества руководятся из единого центра и имеют задачей не просто благотворительную помощь, а «организацию групп квалифицированных рабочих в Австралии, которые хотят поехать в Советскую Россию со своими собственными инструментами».²⁹ Для русских иммигрантов становилось очевидным, что хотя вступление в Общество не гарантировало возвращение в Россию, оно становилось важным шагом на пути к этой цели.

Границы, паспорта и визы

И здесь надо сказать несколько слов о том, что собой представляло перемещение из одной страны в другую в те годы и как это отражалось на въезде и выезде русских из Австралии. Как мы уже отмечали, до революции эмигранты, в том числе и русские, могли купить билет на корабль и высадиться в Австралии без всяких виз и документов. Во время Первой мировой войны внимание государств к документам возросло и паспорт стал играть роль специального «дорожного» документа, который выдавался под конкретную поездку, в него также ставились транзитные визы государств, через которые человек должен был проезжать. В 1917 году, после Февральской революции, паспорта политэмигрантам от лица Временного правительства выдавало Российское консульство в Мельбурне. Именно такой паспорт был выдан Федору Анчишину. Однако после Октябрьской революции ситуация коренным образом изменилась. Российский консул Абаза покинул свой пост, а новоназначенный «большевистский» консул Петр Симонов не был признан австралийскими властями и не мог выдавать паспортов. К тому же австралийские власти нало-

жили почти полный запрет на выезд из Австралии русских, опасаясь, что они могут присоединиться к «красным», т. к. австралийские войска в составе войск Британской Империи в это время находились в России, поддерживая «белых». Симонов в 1919 году подал австралийскому правительству списки русских, требующих выпустить их из Австралии, где были имена будущих коммунаров – Баскаков, Красииков, Панфилов, Пилипенко, Рубин. Бунты красного флага в марте 1919 года тоже были связаны с протестами русских, которых не выпускали из страны.

К 1920 году ситуация, казалось бы, начала нормализоваться. Австралийские власти решили выпускать из страны «хороших» русских, не «большевиков». Для этого им нужно было получить разрешение на выезд военных властей, причем это разрешение проходило и негласное одобрение служб безопасности. Только после этого местное таможенное управление выдавало им перед посадкой на корабль паспорт, в который ставились транзитные визы. Это был временный документ на одну поездку и отнюдь не делал их гражданами Австралии. При этом таможенное управление забирало их старые русские паспорта, срок годности которых уже истек. Именно поэтому в фондах этого управления хранится немало дореволюционных русских паспортов и австралийских выездных документов россиян, которыми они не смогли воспользоваться.

Дело в том, что пароходные компании несли ответственность за пересадку русских в Гонконге и других портах на корабли, доставлявшие их в Россию. Поскольку возможности для пересадки в Россию были ограничены, русских, прибывших с багажом на посадку в Брисбене, в последний момент могли не пустить на борт. В марте-апреле 1920 года это произошло дважды с пассажирами кораблей «Сент-Олбанс» и «Истерн». Надо ли говорить, что для многих это становилось трагедией – ведь перед выездом они распродавали все свое имущество и ехали со всех концов Квинсленда в порт Брисбена. Можно еще упомянуть случай с кораблем «Виктория»,

на котором большая группа русских из Таунсвилла, получившая после долгих мытарств разрешения на выезд, собиралась отправиться в Гонконг, а там пересесть на пароход, идущий в Россию. В группу эту входило несколько человек, судьбы которых впоследствии окажутся связанными с коммуной «Ира» – Анфиногентов, Панфилов, Кальсин, Савковы, Пильгуй и семья Рубан. Продав все свои пожитки, они купили билеты на корабль, а оставшиеся деньги было решено обменять на золотые соверены (каждому разрешалось вывезти из страны золото в размере 15 фунтов стерлингов). Они собирались сесть на корабль в Таунсвилле и уполномочили Фреда Дунаева поехать в Брисбен и приобрести там для них золотые. При посадке в Брисбене Дунаев предъявил 300 фунтов (по 15 на каждого из 20 русских) и объяснил их происхождение, однако таможенник обыскал его и нашел еще припрятанные 45 фунтов. Дунаев впоследствии заявлял, что вез деньги для 22 человек, но поскольку он их сразу не предъявил, все деньги у него изъяли и оштрафовали на 15 фунтов. А тут еще пароходная компания отказалась принять русских на борт в Таунсвилле, ссылаясь на то, что их могут не выпустить в Гонконге. Таким образом русские оказались и без билетов, и без денег. Случаи эти были настолько вопиющими, что в газетах появились статьи с критикой правительства. И хотя деньги им в конечном итоге вернули, эти события со всей очевидностью показали шаткость положения русских в Австралии.³⁰

Не удивительно, что русские продолжали стремиться выехать из страны, но здесь возникла другая проблема – в начале 1920-х годов границы Советской России стали менее проницаемыми и она наложила ограничения на индивидуальный въезд россиян. После вовлечения эмигрантов в помощь голодающим и в общества технической помощи Советы поставили новую задачу: страна готова была принять только тех русских, что стояли на правильных идеологических позициях, обладали технической квалификацией и могли привезти с собой инструменты и оборудование, необходимые для развития экономики и индустриализации. Самым эффективным способом

для осуществления этого плана стало предоставление права на въезд только для трудовых артелей или сельскохозяйственных коммун. При всей поддержке русскими эмигрантами самой идеи революции и борьбы с эксплуататорами, вступление в коммуну, в которую надо было отдать практически все свое достояние, и затем жить жизнью коммунаров, могло быть непосильным шагом для рядового русского. Ведь именно о таких настроениях говорилось в Кэрнской декларации, объяснявшей неготовность всех членов их отдела вступить в Компартию Австралии. К тому же им предстояло познакомиться с советской бюрократической машиной, поскольку разрешения на въезд в Россию участникам этих коммун выдавались только централизованно, через Совет труда и обороны (СТО), и в Австралии, где отсутствовали советские представители, получить его было чрезвычайно трудно. По существу, в результате такой позиции Советской России рядовые россияне, выехавшие на заработки, оказались лишенными своего законного права вернуться на родину и жить на своей земле, со своими родными. Но стремление вернуться домой во многих случаях перевешивало все трудности выезда из Австралии и въезда в Страну Советов.

Первая сельскохозяйственная коммуна в Австралии

Наши герои, жившие в северном Квинсленде, в основном были чернорабочими и не имели технической квалификации в отличие, например, от Ипсвичской группы, где основу составляли мастера паровозоремонтных мастерских. Поэтому для возвращения в Россию им пришлось выбрать вариант сельскохозяйственной коммуны. Иван Савков указывал, что «Первая сельскохозяйственная коммуна в Австралии организовалась 1 мая 1922 года». О первых шагах коммуны рассказывает и Крухмалев в своей автобиографии: «В 1922 году к нам в Кэрнс приехало много русских рабочих на сезон рубки сахарного тростника. Мы собрали большое собрание у нас на квар-

тире. Я прочитал о наших достижениях в Советском Союзе, предложил организовать сельскохозяйственную коммуну для поездки в СССР и на этом собрании в коммуну записались 7 человек, и я записался. После собрания коммунары собрались и решили, что каждый член обязан внести членский взнос в 100 англ. фунтов стерлингов и тут все выбрали меня казначеем и сборщиком, с тем, чтобы все собранные деньги положить в сберкассу на свое имя».³¹ Надо сказать, что 100 фунтов стерлингов в то время в Австралии были большие деньги, равные полугодовому заработку разнорабочего.

Это была та самая сельская «Артель», о которой Иван Савков писал революционеру Александру Зузенко. После Бунтов красного флага анархист Зузенко был депортирован из Австралии, но в июле 1922 года он нелегально въехал в Австралию с целью продвижения обществ технической помощи и организации «правильной» компартии Австралии. Когда через несколько недель Зузенко был арестован австралийскими властями, они конфисковали все находившиеся у него бумаги, в том числе и письмо Савкова с прилагавшимися к нему документами; в переводе на английский язык они сохранились в его архивном досье. Среди них было письмо Кэрнской группы отправленное 23 мая 1922 года в Лондон. Несмотря на несовершенство его языка, возникшее отчасти в результате обратного перевода, приведем его полностью:

«В отдел Российской торговой делегации,
63, Lincoln's Inn Field, London, W.C. 2.

Желая быть полезными членами общества в Советской России в период ее нынешней сложной экономической реконструкции, мы, эмигранты из старой царской России, проживающие в Австралии, хотим помочь ей своими силами и небольшими сбережениями. С этой целью мы основали Рабочее объединение, состоящее из десяти членов. Но поскольку условия жизни в Австралии крайне неблагоприятны для эмигрантов из России, и мы не смогли адаптироваться к зарплатам капиталистической страны, то есть к жизни лишь ради создания и приумножения капитала путем эксплуатации людей, мы,

следовательно, не можем в этот критический для народа Советской России момент помочь ей более чем 100 фунтами стерлингов, которые также помогут нам, поскольку эта сумма будет выделена на сельскохозяйственные орудия, продукты питания и одежду.

Мы просим вас признать нас людьми, желающими помочь своей родине, и предоставить нам право въезда в Россию. Также мы просим вас указать нам, куда мы должны отправить деньги. Мы полностью и безоговорочно отдаем себя в распоряжение Советской России, независимо от того, куда она направит нас на работу на своих обширных территориях.

Мы просим вас как можно скорее дать нам подробный ответ на наше обращение, чтобы мы могли быть готовы к отъезду в начале января [1923 г.], и чтобы переписка по этому вопросу не задержала нас. Вернуться желают более 10 человек, но сначала нам нужны ваши указания и помощь вашим советом. Каким бы ни был ответ, пожалуйста, предоставьте нам полный ответ со всеми подробностями.

Помните, что здесь есть люди, которые с нетерпением ждут момента своего возвращения и которые пережили много трудностей и страданий в прошлом, но все это оказалось бесполезным.

Мы просим вас подтвердить наш статус».³²

Неизвестно, получили ли русские в Кэрнсе ответ из Лондона, но в августе 1922 года Ипсвичская организация получила от Народного комиссариата труда инструкции о въезде в Советскую Россию «группами при известном указанных условиях», об этих инструкциях они сообщили и в Брисбен и в Кэрнс. Панфилов из Кэрнса тут же отозвался: «Наш Керенский Союз просит вас выслать нам все подробности, полученные вами от Комиссариата народного труда из России», и даже предлагал оплатить стоимость переписки этого документа. Одновременно Иван Савков, который в это время находился на рубке сахарного тростника в Моссмане, запрашивает Ипсвич об «отправке в Советскую Россию артелей»: «прошу описать все подробно: как[ая] артель, и нужно ли взнос денежный,

и когда предполагаете отправить, и сколько человек должно быть в артели». Савков получил характерный ответ от организатора Ипсвичской артели Александра Кочетыгова: «Как говорится, освобождение рабочих – дело рук самих рабочих, так и это ускорение отправки организованных артелей в Советскую Россию дело успешной работы между нами самими», и подчеркнул, что по решению Москвы «персонального разрешения на въезд в Советскую Россию быть не может».³³

И русские в северном Квинсленде взяли дело в свои руки. В марте 1923 года в сиднейской газете «Коммунист» они публикуют сообщение о коммуне, которая отправляется в Советскую Россию следующей весной «возделывать землю на общественных началах» и приглашают в коммуну «всех рабочих независимо от национальности». В коммуне к тому времени было всего 8 человек, которые внесли 190 фунтов. 100 фунтов, которые они должны были получить от каждого члена, предполагалось использовать на приобретение техники.³⁴ Это сообщение сдвинуло дела с мертвой точки. Согласно Крухма-леву, «Когда нас собралось 15 человек коммунаров, мы на собрании решили послать в СССР ходоков, выделили двух, они поехали». Согласно И. Савкову численность коммуны на этот момент была даже больше: «16-го июня 1923 года коммуна наша отправила двух ходоков в СССР, которым было поручено отыскать хороший совхоз. Во время отправки ходоков в коммуне числилось 20 членов, располагавших средствами в 2000 фунтов стерлингов».³⁵

Австралийские ходоки

Ходоками от Кэрнской коммуны стали Бузмаков и Анфиногентов, которые отправились в Россию в июне 1923 года. Каким путем они ехали пока выяснить не удастся. Василий Евдокимович Бузмаков, крестьянин д. Васенки Вятской губернии, родился в 1888 году, работал на золотых приисках и на заводе на Урале, в 1910–1913 годах служил в армии артиллеристом-фейерверкером.³⁶ В Австралию он прибыл в 1914 году,

сначала работал чернорабочим, затем столяром, активно участвуя в деятельности Союза русских эмигрантов, сдавал деньги на библиотеку и русскую газету, и даже был секретарем Общества технической помощи СССР.

Михаил Гаврилович Анфиногентов (его фамилия также встречается в документах как Афиногентов и Финогентов), крестьянин Саратовской губернии, родился в 1883 году, и, прибыв в Австралию в 1913 году, работал в основном на рубке сахарного тростника в северном Квинсленде. Не очень лестную характеристику его данную нашими коммунарами, где осуждалось его

стремление заработать побольше денег, мы уже приводили выше. В 1920 году он был среди группы русских, чей выезд сорвался из-за дела Дунаева о незаконных золотых стерлингах.

В характеристике Бузмакова и Анфиногентова, написанной Баскаковым и Крухмалевым, отмечалось, что они вступили в коммуну прямо перед отъездом, ходоками их никто не выбирал и они вызвались поехать в Россию ходоками за свой счет, т.к. у коммуны не было денег для оплаты их поездки. Очевидно, что, заработав своим тяжелым трудом деньги, они сочли миссию ходоков лучшим способом вырваться из Австралии в Россию. Однако на этом критика их Баскаковым и Крухмалевым не закончилась. В отношении Бузмакова они обтекаемо сообщили, что «Корреспонденция тов. Бузмакова [в Австралию] была не удовлетворительна глядя с политической и экономической точки зрения». Об Анфиногентове же они высказались без обиняков: «Насколько нам известно и понятно, его взгляды о положении в Советской России и комму-

Портрет В.Е.
Бузмакова в газете
«Гудок».

нах были противоположны. Ибо он сообщал в Австралию, что в России коммун очень мало и все разбегаются во все стороны. Также в своих письмах в Австралию своим товарищам писал, чтоб Австралийская коммуна разобрала свои деньги по рукам и о коммуне больше не думать».³⁷

Однако в официальных сообщениях все выглядело гладко. В ноябре 1923 года газета «Гудок» в очерке «Из Австралии в Россию» напечатала большое интервью с делегатами «Австралийской коммуны» в Москве и с портретом Бузмакова. В интервью они отмечали, что Общество технической помощи «занялось организацией сельскохозяйственных коммун по всем городам Австралии. «Австралийская коммуна», являющаяся одной из первых коммун в Австралии, послала нас в Россию подыскать земельный участок для переселения наших коммунаров».³⁸ При перепечатке в «петроградской газете», а затем в берлинской «Накануне», было добавлено, что «"Австралийская коммуна" насчитывает в своих рядах знающих свое дело землеробов, кузнецов, деревообделочников. Приезд их в Россию есть первая существенная помощь, оказываемая австралийскими рабочими русским товарищам». Добавлялось также, что в Австралии в коммуны стремятся не только выходцы из России, но и «все те, кому надоел капиталистический гнет».³⁹

Иван Савков добавлял детали о том, как было найдено место для коммуны: «Когда наши ходоки прибыли на место, они убедились, что с таким капиталом [2 тыс. фунтов стерлингов] организовать собственную коммуну не мыслимо. Тогда ходоки стали искать американскую коммуну, к которой они могли бы присоединиться. После долгих размышлений и поисков ходоки остановились на коммуне имени Ленина (ИРИ), что расположена в Кирсановском уезде Тамбовской губ. Соглашение с коммуной имени Ленина состоялось 29 декабря 1923 года. ... На собрании нашей коммуны, состоявшемся 27 марта, были прочтены все сообщения из СССР. Собрание одобрило выбор наших ходоков и единогласно решило присоединиться к коммуне имени Ленина». Коммуна по местной

речке и селу получила название «Ира», однако в американских русских газетах ее некоторое время называли ИРИ. К маю 1924 года Кэрнская группа отправила в коммуну 1700 фунтов стерлингов, которые использовались на строительство двухэтажного дома для прибывающих коммунаров.⁴⁰

Первая группа коммунаров

1-я группа Керенской коммуны едет в Россию в коммуну Ира 1924 г. 26 мая (Краеведческий музей Кирсановского округа)

В музее поселка коммунаров Ира⁴¹ сохранилась фотография с подписью русскими печатными буквами: «1-я группа Керенской комм[уны] едет в Россию в комм[уну] «Ира». 1924 г. (фот. Ф. Е.) 26 мая». Этот же снимок появился в очерке Ивана Савкова о коммуне в американской газете «Русская жизнь» в 1924 году. Когда я получила копию этого снимка от братьев Баскаковых в 2007 году, на нем с уверенностью можно было идентифицировать только их молодого деда Федора Баскакова, стоящего слева. Благодаря информации Ильи Шевелева, исследующего историю семьи Крухмалевых, выяснилось, что

семья в центре – женщина и стоящий справа от нее мужчина и трое детей перед ними – это Крухмалевы; их старший сын Александр стоит рядом с Баскаковым. Это объясняло и буквы с скобках в подписи: фот[о] Ф[едора и] Е[лены Крухмалевых]. Благодаря фотографиям музея, помещенным на сайте коммуны, удалось идентифицировать и человека, стоящего справа – это Антон Савков. Выясняя, кем могли быть два остающихся неопознанных человека, познакомимся со всеми участниками первой группы, насчитывающей 11 человек.

Возглавлял группу Федор Митрофанович Баскаков, имя которого мы уже не раз упоминали. Крестьянин хутора Угольный в Ливенском уезде Орловской губернии с 4-х классным образованием, сначала он отправился к старшему брату в Сибирь, но вскоре, в мае 1914 года, уехал в Австралию со своим старшим товарищем и земляком Иваном Савковым. По всей видимости в то время ему было всего 17 лет, однако точный год его рождения не ясен: сам он в своей автобиографии писал, что родился в 1896 г., в регистрации в Австралии указывал датой рождения 5 мая 1897 г., а в согласно листку по учету кадров и надписи на его могиле он родился в 1898 г.

Юный Федор Баскаков вскоре после прибытия в Австралию
(фотография из «Киноальманаха» № 60).

В июле 1918 года Федор писал своему брату Андрею в Россию: «Я очень рад слышать, что наша сторона всё время одерживает верх. Они забрали землю, имущество и другие учреждения. Так и должно быть. Ты пытался что-то написать о демократии, но цензор вырезал целую страницу... Из твоего письма я могу понять, что Россия всё время развивается, а здесь, в британских газетах, всё изображают наоборот... Получил газету номер 5. В этом номере было больше против большевиков, чем за большевиков. Хорошо бы, чтобы большевики её закрыли, если у них хватит на это силы». Австралийский цензор, перехвативший это письмо, не удержался от комментария: «Автор – убеждённый большевик; ему отвратительна даже газета, освещающая обе стороны вопроса, и он надеется, что большевики закроют её, пока у них есть на это власть». Баскаков писал брату, что собирается вернуться на родину в марте 1919 года, но это оказалось невозможным из-за политики сначала австралийской, а затем советской стороны.⁴² Молодой, высокий красавец с есенинскими голубыми глазами и светлыми вьющимися волосами, в Австралии он стал убеждённым коммунистом, который без страха и упрека готов был вести своих товарищей в новый мир.

Второй наш герой – Федор Иванович Крухмалев – происходил из мещан города Бузулука в Самарской губернии. Он родился в 1883 году и ко времени отъезда в коммуну уже многое успел пережить – переезд в Иркутск, участие в Русско-японской войне, смерть дочери и первой жены, которая оставила его с двухлетним сыном Александром на руках, участие в революционной деятельности, и побег в Австралию от преследований охраны в 1914 году со второй женой, сыном и их 6-месячной дочерью Лидией. Его вторая жена, Елена Гавриловна Тарасова, происходила из иркутских мещан. В Австралии у них родилось еще трое детей – дочь Вера в 1915 году, сын Джордж – в 1917, и дочь Анна, которая в России станет Элей, – в 1919; к их большому горю, Джордж умер в 1921 году.⁴³

В отличие от многих своих земляков, которые кочевали с одной работы на другую, Федор, ставший в Австралии Фре-

дом, сумел найти себя, преуспев в высокооплачиваемой профессии столяра-краснодеревщика. В 1915 году он появляется в городских справочниках как столяр, живущий в Брисбене. Здесь же его 8-летний сын Александр пошел в школу. В том же году Крухмалевы переезжают в Кэрнс, и обосновываются в доме на центральной улице Бунда.

Работы по дереву Крухмалева, представленные на местной выставке, заслуживают панегирик местных патристических газет, т.к. он освоил непростую обработку местных пород деревьев: «Г-н Крукмалофф, улица Бунда, Кэрнс. – Мы привыкли видеть, как наша местная древесина используется в самых разных полезных целях в деревообрабатывающей промышленности, но г-н Крукмалофф еще раз подчеркнул ее важность. Его экспозиция струнных музыкальных инструментов, изготовленных из местной древесины, была действительно очень хороша. Мастерство, аккуратность и качество были продемонстрированы в полной мере. Г-н Крукмалофф действительно показал, что любому патристически настроенному северянину, нуждающемуся в хорошей скрипке, мандолине, укулеле или любом другом популярном струнном инструменте, не нужно отправляться на юг [Австралии]. На выставке г-на Крукмалоффа также были представлены прекрасные подставки для бокалов и яиц, подсвечники, вазы, держатели для зубочисток и бильярдные кии, которые являются свидетельством ценности наших лесных ресурсов». Перед отъездом Крухмалевы выставили на аукцион все свое нажитое имущество, список которого впечатляет своим богатством и качеством.

Александр, старший сын Крухмалевых, учился в Кэрнсе в средней школе, где завоевал большую популярность и как футболист, и как боксер, и как атлет, и как пловец. В местных газетах его имя встречается не менее 50 раз в связи с его спортивными успехами. В австралийскую школу пошли и старшие дочери Крухмалевых.⁴⁴

Вместе с тем, несмотря на, казалось бы, глубокую укорененность их семьи в австралийской жизни и успехе в ав-

стралийском «раю для рабочих», Федор Крухмалев был нацелен на классовую борьбу и коммунизм. Как и Баскаков, он был одним из основателей «Керенской группы лиги пропаганды», в которой он состоял с 1918 года. В автобиографии он вспоминал, как «каждую субботу мы выносили стол в центр города к почте и распространяли газеты и продавали книги о Советском Союзе и тут же проводили митинги». В то же время Крухмалев, как кажется, в своих взглядах был более умеренным и рациональным, чем его товарищ Панфилов. В мае 1919 года цензор перехватил письмо Панфилова, в котором тот писал о телеграмме, направленной русскими в Кэрнсе премьер-министру Австралии. Они требовали либо выпустить их из страны, либо обеспечить работой, т. к. в это время, после Бунтов красного флага, начались массовые увольнения русских. Панфилов отмечал, что начальные слова телеграммы: «Мы, русские большевики, живущие здесь...», именно Крухмалев предложил заменить на менее вызывающие: «Мы, русские, живущие здесь...». Тем не менее в 1921 году Крухмалев одним из первых вступил в Кэрнский отдел Коммунистической партии Австралии. «Я всегда считал его очень энергичным и стойким работником в борьбе за коммунизм», писал в его характеристике глава отделения Компартии в Кэрнсе Джордж Букингем.⁴⁵

В первую группу коммунаров входил Антон Андреевич Савков, вероятно старший из братьев Савковых. Антон и Иван Савковы были земляками Баскакова из хутора Угольного в Ливенском уезде Орловской губернии и приехали в Австралию незадолго до начала войны. Предположительно Антон родился в первой половине 1880-х годов, однако точную дату его рождения, как и год прибытия по австралийским документам пока не удастся установить. Возможно, Антон приехал в Австралию первым, а следом за ним приехали Иван Савков с Федором Баскаковым. Антон жил в северном Квинсленде, работал на рубке сахарного тростника. Его имя встречается в австралийских газетах среди тех, кто поддерживал революционную печать, и сдавал деньги на помощь голодающим в России и комитету технического развития.

На кадре «Киноальманаха», № 60 запечатлены Федор Баскаков (слева), Антон Савков (справа), Иван Савков (сидит) и неизвестный вскоре после прибытия в Австралию.

Немного индивидуальности к портрету Антона Савкова может добавить полицейский отчет 1918 года, согласно которому у него в гостинице городка Иннисфейл «был украден небольшой чемоданчик длиной около 60 см, содержащий пять пар твидовых брюк; две пары джинсовых комбинезонов; одну сине-белую хлопчатобумажную рубашку с отложным воротником; одну белую нижнюю рубашку; одну нижнюю рубашку в полоску; банковскую книжку Государственного сберегательного банка с кредитным балансом в 50 фунтов стерлингов, № 1796; двенадцать фотооткрыток; дюжину белых носовых платков; два галстука-бабочки; два длинных галстука; и один российский паспорт на имя Энтони Савкова, общая стоимость 12 фунтов стерлингов».⁴⁶ Антон действительно любил элегантную одежду. Незадолго до отъезда он сфотографировался в ателье в костюме-тройке с галстуком-бабочкой. Рядом, на резном столике лежит фетровая шляпа джентльмена. В том же костюме он появляется на фотографии членов коммуны Ира

(крайний справа), сделанной перед отъездом, с галстуком-бабочкой, но без жилета и шляпы.

Антон Андреевич Савков незадолго до отъезда из Австралии
(Краеведческий музей Кирсановского округа)

Семья Савковых в России. Слева — вероятно, Иван Савков; рядом с женой и ребёнком стоит, предположительно, Андрей Савков (из архива семьи Савковых).

В Австралии Антон жил без семьи, однако в списке первых коммунаров в Ире Антон Андреевич Савков 1888 г.р. записан с женой Ефросиньей Федоровной 1882 г.р., и четырьмя детьми (Мария, Елена, Антон и Иван), родившимися в 1906–1914 годах. Надо отметить, что данные в этих списках не всегда точные и остается неясным, были ли это его дети, которых он оставил в России, уехав на 10 лет в Австралию, или, приехав в Иру, он вошел в семью вдовы с детьми. Согласно информации о семьях коммунаров в Музее Иры, у Антона было двое детей — Елена, что соответствует списку первых коммунаров, — и Егор.

Федор Семенович Анчишин, крестьянин деревни Маслово Калужской губернии, 1874 г.р., приехал в Австралию в 1913 году. Там он был членом Союза российских рабочих и поддерживал русскую газету. Как уже отмечалось выше, в мае 1917 года российское консульство в Мельбурне выдало ему паспорт для возвращения в Россию, и поскольку такие паспорта выдавались только политэмигрантам, можно полагать, что он был

RUSSIAN CONSULATE
in Melbourne.

**By order OF THE PROVISIONAL RUSSIAN
GOVERNMENT.**

The bearer of this passport *Fedor Anchishin,*
a Russian Citizen, is hereby authorized
to leave Australia for Russia

S. B. 2 05 02 22
p. Consul General for Russia

Melbourne *29th May*

National Archives of Australia

HEIGHT *5' 5"*

COLOUR OF HAIR *Dark*

COLOUR OF EYES *Brown*

SHAPE OF NOSE *Long*

COMPLEXION *Dark*

MARKS *Scar on the right thigh, scar
between thumb and forefinger*

NAA: BP313/1, ANCHISHIN F

Паспорт Федора Анчишина, выданный
Российским консульством в Австралии в мае
1917 года (Национальный архив Австралии)

вовлечен в политическую борьбу и бежал в Австралию от царских репрессий. Очевидно, в 1917 году он не смог выехать из Австралии и в апреле 1919 года, вскоре после Бунтов красного флага, он был среди первых подписантов «Протеста» Союза российских рабочих, требующих у австралийских властей их депортации в Россию. В Австралии одно время он жил в поселке Едния [Yednia], затерянном в горах к северо-западу от Брисбена, возможно работая там на лесопилке. Иногда он отправлялся Кэрнс, а последние годы обычно жил в Брисбене, где, возможно освоил новую профессию шофера, т.к. по приезде в коммуну Ира в Посемейном списке коммунаров он был зарегистрирован как шофер.⁴⁷ В паспорте, выданном российским консульством в 1917 году, есть фотография Анчишина, но он не похож ни на одного из людей, запечатленных в группе отъезжающих коммунаров. Следовательно, два неизвестных на этой фотографии соответствуют двум остающимся коммунарам. Человек, стоящий за четой Крухмалевых, – немолодой, в русской косоворотке – скорее всего был Алексеем Черкашиным.

Черкашин был старше других коммунаров. Он родился в 1872 году (место рождения пока выяснить не удалось) и прибыл в Австралию в августе 1911 года с Дальнего Востока. Написание его сложной для английского уха фамилии удалось обнаружить в трех вариантах – Cherkashin, Tscherkashin и Sherkashen, имя Алексей превратилось в Алик. Как и другие крестьяне, он работал и в шахтах, и на рубке сахарного тростника в северном Квинсленде. У него были свои причины покинуть Австралию – здесь он дважды попадал в руки полицейских. В 1917 году, покидая Маунт-Морган он неправильно оформил регистрацию иностранного подданного. Его приметы были напечатаны в «Полицейской газете», и когда его нашли в Эйре, он был арестован, предстал перед судом и заплатил большой штраф и стоимость судебных издержек, чтобы не попасть в тюрьму. В 1919 году, на этот раз в Иннисфейле, он был арестован за ругань и сопротивление полицейскому и оштрафован на 3 фунта (10-дневный заработок!).⁴⁸

Последний неизвестный на фотографии – крепкий молодой человек в элегантном костюме-тройке с галстуком-бабочкой, стоящий слева от Елены Крухмалевой, – это, по всей видимости, Игнатий Васильевич Кальсин, крестьянин Вятской губернии. Согласно австралийским материалам он родился в 1887 году, прибыл в Австралию в 1914 году, работал на Северной территории (вероятно на постройке железной дороги), а потом в северном Квинсленде на рубке тростника. Кальсин был вовлечен в политическую деятельность – сдавал пожертвования на помощь политзаключенным в России и в газетный фонд. В марте 1919 года, вскоре после Бунтов красного флага, Кальсин попал в поле зрения австралийского цензора, который перехватил несколько связанных с ним писем. Из них мы узнаем, что в это время он вместе с товарищами, находясь на тростниках в Миривинни, создает «Совет российских рабочих» северного Квинсленда, посылает собранные членские взносы в Брисбен для поддержки русской газеты «Knowledge and Unity», выходившей на английском языке. Он также сдавал деньги в фонд помощи голодающим и в фонд технического развития Советской России. В 1920 году Кальсин получил разрешение на выезд и был в группе, выезд которой сорвался из-за дела Дунаева. В Посемейном списке первых коммунаров в Ире он появляется как Каньсин Игнатий Васильевич, 1890 г.р. (год рождения в те времена люди часто указывали неточно).⁴⁹

Долгий путь в Страну Советов

В воспоминаниях, написанных в 1967 году, Баскаков вспоминал о событиях, предшествующих отъезду: «В 1923 году получили извещение, о том, что можно ехать в коммуну им. Ленина, Кирсановского района Тамбовской области. От Советского правительства получили разрешение на право въезда в Россию в организованном порядке. Но Австралийские власти не давали выезда, задерживали почти целый год; тормозили с продажей проездных билетов на пароходы и пароходные компании и вместо выезда в 1923 году мы смогли (первая группа)

выехать в мае 1924 года. Всю организаторскую работу группы и по отправке в Россию проводил Савков Иван Андреевич».⁵⁰

Пассажирские списки выезжающих из Австралии найти довольно сложно, однако в случае с нашими коммунарами нам повезло. Оказалось, что в Национальном архиве Австралии хранится целое досье, связанное с их выездом. Образовалось оно благодаря Михаилу Панфилову, тому самому Панфилову, который когда-то встретил Федора Крухмалева на пристани в Кэрнсе и уговорил его остаться в этом городе, где впоследствии они оба стали активистами коммунистического движения. В 1929 году Панфилов запросил разрешение на поездку в Россию на полгода. Оказалось, что такое разрешение ему уже выдавали в 1925 году и тогда министерство внутренних дел запросило в налоговом управлении всю переписку, связанную с выездами русских из Кэрнса. В результате было составлено 80-страничное досье под обманчивым названием «Михаил Панфилов – Разрешение на выезд».⁵¹

Из досье следует, что после принятия решения коммунарами о присоединении к коммуне Ира, они обратились за разрешениями на выезд, подав заявления в налоговое управление, которое переслало их в Министерство внутренних дел (МВД). 5 мая 1924 года МВД выдало разрешения для выезда в Россию через Шанхай на отбывающем 14 мая судне «Арафура» Фреду Крухмалеву, Елене Крухмалевой и трем детям, Антону Савкову, Фреду Баскакову и Игнатию Кальсину, для которых были указаны адреса и в Кэрнсе и в Сиднее. В разрешении Александру Крухмалеву был только сиднейский адрес, а в разрешении Джону Савкову было указано, что он выехал из Кэрнса в Сидней и по прибытии туда заполнит новую заявку. Очевидно, что на «Арафуру» они не успели, т.к. только 12 мая МВД составило список разрешений, в который также был включен Фред Самуэль Анчишин; в документе указывалось, что получена телеграмма от генерального консула в Китае о том, что транзитная виза «может быть выдана, если они будут находиться в Китае не более трех месяцев». 14 мая МВД сообщает налоговому управлению, что оно выдало разрешение на

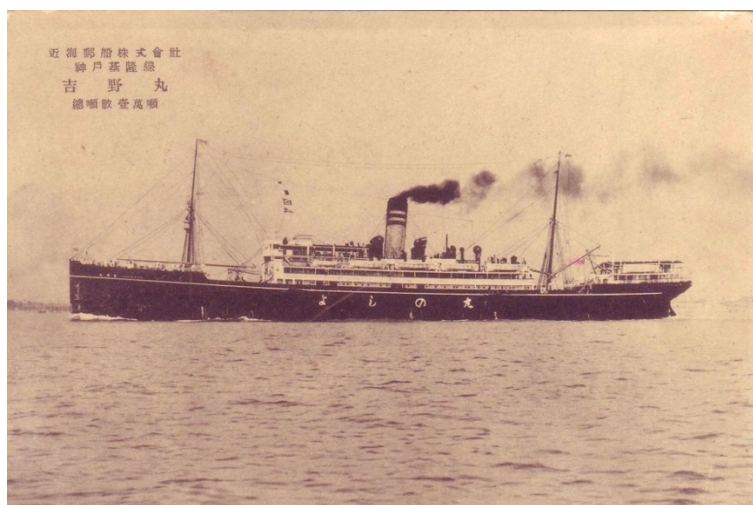
выезд Алику Шеркашену (т.е. Черкашину). К этому времени чиновники в МВД обнаруживают, что они упустили важный аспект и требуют от налогового управления чтобы, принимая подобные заявки, они проверяли, что у выезжающих есть достаточно финансов для временного пребывания в Китае и для переезда до места их конечного назначения. И, что самое главное, во всех случаях необходимо запросить отчет из Бюро исследований штата (так называлась в то время австралийская служба безопасности). 16 мая возникает новое осложнение – наша группа русских просит разрешения высадиться в Гонконге, откуда они переедут в Шанхай, где останутся на неделю; в результате обмена телеграммами между министерствами они его получают. Выезд теперь планируется на корабле «Йошино Мару».

Именно в эти дни, в первой половине мая, наши герои делают последние приготовления к отъезду. 14 мая Федор Крухмалев получает характеристику от местного руководителя Компартии Джорджа Букингема, а 15 мая проводится аукцион по продаже всего содержимого их дома. 17 мая Баскаков и семья Крухмалевых выезжают на корабле «Кума» из Кэрнса в Брисбен. 20 мая налоговое управление Нового Южного Уэльса, в котором были оформлены все документы на выезд, сообщает в МВД, что Антон Савков, Кальсин, Анчишин и Александр Крухмалев получили документы в Сиднее и должны сесть там на корабль «Йошино Мару» 23 мая, а документы для Баскакова, Черкашина и Крухмалевых с детьми оно переправляет в свой офис в Брисбен, где они их заберут перед посадкой на «Йошино Мару» 26 мая. Относительно Джона Савкова, который тоже должен был ехать с этой группой, налоговое управление сообщает, что он теперь планирует выехать 11 марта 1925 года на корабле «Сент-Олбанс».

Можно представить, с какой грустью Иван Савков 23 мая провожал на пристани своих товарищей, отправляющихся в страну их надежд. Тем временем Баскаков и Крухмалев в Брисбене пишут прощальное обращение ко всем «классово-сознательным рабочим в Австралии» (еще до приезда в СССР

они овладели новой советской терминологией!). Они рассказывают об успехах коммуны и приглашают всех желающих вступить в Кэрнскую сельскохозяйственную группу обращаться к Джону Савкову в Кэрнсе. «Мы просим всех классово-сознательных рабочих объединиться и помочь Республике русских рабочих построить промышленность на коммунистических принципах. Русские рабочие сыграли свою роль в Великой русской революции, теперь наша очередь помочь им восстановить промышленность».⁵²

26 мая 1924 года, когда «Йошино Мару» зашла в Бриббен и все участники группы наконец-то воссоединились, они сделали общую фотографию на пристани Пинкенба, под пальмой и фиговым деревом. Если наша реконструкция верна, то на ней нет только Анчишина, который возможно и фотографировал их. Позади у каждого участника оставались по десятку лет австралийской жизни, наполненной тяжелой работой и новообретенным братством, которое им предстояло проверить на практике в коммуне в далекой России. Крухмалевы же оставляли навсегда могилу их маленького сына и брата Джорджа, похороненного на кладбище в Кэрнсе.

Судно «Йошино мару», на котором отправилась в Россию первая группа коммунаров.

После их отъезда в американской газете «Новый мир» появился очерк Ивана Савкова (подписанный И. Савов) об истории коммуны и отъезде первой группы, который сопровождался фотографией и перечнем имен всех участников группы. Савков отмечал, что «уехавшие – квалифицированные рабочие: тракторные механики и прекрасные фермеры. Особенно выделяется товарищ Ф. Крухмалов, один из лучших в Австралии деревообделочных мастеров, пользовавшийся большой известностью в этой индустрии. Отъезд его из Австралии заинтересовал даже многих англичан».⁵³

До Владивостока первая группа коммунаров добиралась месяц. Поскольку они ехали в СССР в организованном порядке по линии СТО, у них были и разрешения на въезд, и рекомендации по переезду. Уже по прибытии в коммуну Баскаков и Крухмалев писали в СТО: «Благодарим ... Комиссию СТО по иммиграции за все советы и наставления, присланные нам в Австралию, которыми мы руководствовались в продолжении всего длинного путешествия из Австралии до места назначения».⁵⁴ Баскаков описал их путешествие в корреспонденции в австралийскую газету. После последнего австралийского порта на острове Четверга (откуда Баскаков отправил телеграмму оставшимся товарищам) они зашли на Филиппины, но «американские власти не пустили нас на берег. Все остальные могли сойти с корабля, но не мы, потому что мы были русскими!» В британском Гонконге их поразила бедность и эксплуатация людей: «Телеги тянут не лошади и моторы, а китайские рабочие, которые дешевле».

В Шанхае, где они ожидали судно Русского добровольного флота, они очевидно наслушались предупреждений «белогвардейцев», что во Владивостоке царит беспорядок. «Мы приехали во Владивосток вечером. Город был освещен электричеством. За много миль виднелась огромная Красная звезда – писал Баскаков. – На следующий день мы обнаружили оживленные магазины, открытые клубы и чистые улицы – никаких обещанных беспорядков». В «Правде» в начале июня появилась краткая заметка, что в комиссии СТО по иммиграции

«получены сведения, что в последних числах июня во Владивосток прибыла из Австралии группа иммигрантов на пополнение ... сельскохозяйственной коммуны имени В.И. Ленина (бывш. ИРА)». Одновременно во Владивосток прибыла группа из Америки, которая направлялась в коммуну «Калифорния». «Обе группы привезли сельскохозяйственные машины», отмечалось в газете.⁵⁵

Путешествие из Владивостока по Транс-Сибирской железной дороге тоже принесло новые впечатления: «Железнодорожный вокзал первоклассный. Нет никаких признаков повреждений. Он чище, чем в Брисбене. Чтобы купить билеты, нужно стоять в очереди; до революции рабочим и крестьянам приходилось ждать, пока в первую очередь обслуживали богатых людей. ... Поезда, находящиеся в эксплуатации, находятся в отличном состоянии. Прилагаются все усилия для обеспечения чистоты в вагонах. На каждой станции есть кипяченая вода, горячая и холодная, а также обильная и недорогая еда. За 17 дней нашего путешествия из Владивостока в Москву мы не обнаружили никаких признаков проблем». Спутники, узнав, что они из Австралии, засыпали их вопросами, а они сами из первых уст узнавали подробности Гражданской войны и японской интервенции. 18 июля группа прибыла в Москву, о чем сообщили и «Правда», и «Известия», и московские издания. «Мы исследовали Москву, красное сердце России. – писал Баскаков. – Улицы чистые; магазины полны покупателей; можно купить все, что угодно. Люди выглядят здоровыми и счастливыми. В праздничные дни сады и парки переполнены».⁵⁶

«Прибыли в коммуну благополучно»

25 июля 1924 года – ровно через два месяца после отбытия из Австралии – австралийская группа наконец-то добралась до Иры. Вскоре Баскаков и Крухмалев послали сообщение в Постоянную Комиссию СТО по иммиграции о своих первых впечатлениях:

«Извещаем вас, что мы прибыли в коммуну благополучно. Нас встретили т.т. пионеры с красным знаменем при участии т.т. коммунаров, за что мы выносим им сердечную благодарность. ... По прибытии в коммуну, на второй вечер было созвано внеочередное собрание коммунаров, на котором нас познакомили с работой коммуны и ее положением со времени прибытия первой [американской] группы по настоящее время. Первым долгом коммунары рассказали нам, что им досталось в наследство по их прибытии: ровным счетом ничего целого – только разруха и поломанное имущество. Теперь же, как мы видим, все у них налажено, и работа идет планомерно. Коммунары работают с величайшей энергией. Мы, прибывшие австралийцы, приветствуем коммунаров за проделанную ими работу и даем обет, что мы также со своей стороны приложим все наши усилия к полному восстановлению образцового хозяйства и проведению в жизнь коммунистических начал в сельском хозяйстве.

Совет Австралийских коммунаров:

Ф. Баскаков

Ф. Крухмалев». ⁵⁷

Австралийские коммунары прибыли в коммуну не с пустыми руками. Савков в газете «Новый мир» отмечал, что «группа увезла с собой наличный капитал около 13.500 долларов и личного имущества на сумму около 1.500 долларов». Баскаков тоже писал, что «По приезде в коммуну нас встретили по-братски, на собрании коммунаров отчитались о нашей поездке и внесли в хозяйство взносов 20 000 рублей и сдали все оставшиеся деньги лично у каждого, таков был порядок коммунаров». ⁵⁸

«Трудности России мы знали еще будучи в Австралии», писал Баскаков в воспоминаниях. ⁵⁹ И трудности им действительно предстояло пережить. Пока строились дома, коммунарам приходилось жить в палатках, к тому же 1924 год выдался неурожайным, не хватало даже хлеба. Но одним из самых сложных был эксперимент по созданию коммунистического сообщества из имеющегося человеческого материала,

зачастую не готового к такой высокой планке взаимоотношений в коллективе. Достаточно сказать, что на первых порах в коммуне действовал принцип коммунистического распределения: «от каждого по способностям, каждому по потребностям», что лишало коммунаров экономических стимулов к работе. На бытовом уровне это тоже порождало конфликты. Например, характерный зощенковский типаж появляются в заметке стенгазеты коммуны «Хитрая уловка одной коммунарки» – это история о том, как женщина пыталась заполучить... лишнюю наволочку на подушку.⁶⁰

Лидеры австралийских коммунаров – Баскаков и Крухмалевы – стремились действовать в соответствии с высокими идеалами. Еще в августе 1924 года Баскаков и Крухмалев подали в партиячку коммуны свои документы о членстве в Компартии Австралии с просьбой о приеме их в РКП(б). Кирсановский губком направил документы в австралийскую секцию Коминтерна для подтверждения и последующего перевода их из «КП(б) австралийской организации» в РКП(б).⁶¹ Перевод был успешно осуществлен.

Характерный документ о нравах в коммуне касается Елены Крухмалевой. Она обратилась в партиячку коммуны с заявлением о том, что «утром за завтраком в присутствии члена Р.К.И. товарищ Кюлина обозвала меня мадмазель и даже подняла свой голос, но я ей молчала и ничего ей не сказала, и я настолько была униженная и оскорбленная в присутствии постороннего человека. И поэтому и обращаюсь к вам, что такое обращение между коммунарами никуда не годится, тем более партийные».⁶² Здесь завистливый выпад очередной зощенковской героини встречает в лице Крухмалевой достойный отпор и заботу о моральном облике коммунаров.

В первые годы Баскаков работал в строительной бригаде, а Крухмалевы активно включились в работу школы. В архиве сохранился Протокол собрания школьного совета в декабре 1924 года под председательством Елены Крухмалевой. На собрании присутствовали также Крухмалев (вероятно Александр), учителя и члены коммуны. Двадцатилетний Алек-

сандр Крухмалев, получивший хорошее образование в Австралии, на первых порах работал в школе, так как в протоколе указывается: «Занятия с Крухмалевым передать Соколовой». В протоколе, в разделе «Квартира школьных работников», предлагалось срочно передать квартиру вновь приглашенному педагогу ввиду того, что тт. Соколова и Осепанова вынуждены спать на одной односпальной кровати». Среди обсуждавшихся вопросов «по предложению Люси Крухмалевой, гл[авы] санитарн[ой] ком[иссии], просить немедленно сделать бак для кипяч[еной] воды». Люся – это Лидия, старшая дочь Крухмалевых, которой к тому времени было 13 лет. Забегая вперед, скажем, что она станет врачом, окончив мединститут в 1941 году. В протоколе отмечалась необходимость проведения медицинских осмотров детей в деточаге, т.е. в детском саду, и в школе «ввиду частых заболеваний чесоткой», обеспечение школы глиной для детских работ, отсутствие школьных пособий, без которых «программа школы не будет пройдена».

В протоколе упоминается и обсуждение вопроса «Связь детей с мастерской. Ввиду невозможности слить школу с мастерской при школе организовать пионер-клуб, который снабдить известными инструментами». ⁶³ Это и было зарождение пионерской организации коммуны, у истоков которой, как оказалось, стоял юный Александр Крухмалев. Когда в селе Ира в конце 1960-х годов создавался народный музей, его работники составили «Историю колхоза им. Ленина», в которой отмечается, что пионерская организация была создана в 1924 году. «Первыми пионервожатыми были Крухмалев А. и Никитюк Л.З.». В другом месте упоминается, что «Вторым пионервожатым был Крухмалев Алексей, он направлял пионеров на все хорошие дела». Очевидно, что имя Александра Крухмалева, который в Австралии использовал имя Алекс, и, вероятно, был известен в коммуне под этим именем, трансформировалось в памяти старожилов в имя Алексей. Басаков, в своем рассказе о коммуне, также отмечал, что школа теперь учит не только читать и писать, но там дети «узнают о реальной жизни рабочего класса в России и других странах». Орга-

низации октябрят и пионеров, по его мнению, «напоминают бойскаутов капиталистических стран, но носят чисто рабочий характер. Также существует специальный детский клуб, "Мастерская", где постоянно проводятся собрания и дискуссии».⁶⁴

В начале 1925 года, когда в Австралии готовилась вторая группа коммунаров для возвращения в СССР, Баскаков горел все тем же энтузиазмом. В письме обращенным к русским рабочим в Австралии, он приводил им в пример русских американцев, которые массово ехали в Советскую Россию. «А что вы, русские товарищи в Австралии, собираетесь сделать для Рабоче-Крестьянских Республик? Будете ли вы медлить? В Австралии много русских товарищей, которые хотели бы поехать в Советскую Россию, но, кажется, чего-то боятся. Подумайте сами: чего вы боитесь? Боитесь приехать в свою собственную Рабоче-Крестьянскую Республику! Худшие времена в России закончились. Сейчас мы улучшаем свои условия с каждым днем».

Для убеждения сомневающихся он приводил примеры из их новой жизни в коммуне: «Работать в нашей коммуне очень хорошо. Мы все знаем, что работаем не на начальника, а на себя. У нас хорошо оборудованы мастерские по столярному делу, пошиву одежды, изготовлению сёдел, кузнечному делу и слесарная». Особенно тепло он описывал такое новое для крестьян явление как детский сад в коммуне, где детьми занимается «квалифицированная воспитательница». Импонировала ему выборность и сменяемость властей: «Одной очень интересной особенностью жизни здесь является то, что любого чиновника могут отозвать в любое время, если этого пожелают члены коммуны». Именно в такой мир он звал своих земляков в Австралии, призывая их приезжать, организовывая коммуны, чтобы «как можно быстрее коммунизировать всю Советскую Россию».⁶⁵

А тем временем в Австралии Иван Савков, проводив первую группу, писал в американскую газету: «Следующая группа намерена отправиться в январе 1925 года. С отъездом первой группы среди русских началось оживление. Работа Об-

щества идет сейчас успешнее, и мы надеемся, что и мы, подобно нашим американским товарищам, принесем свою долю помощи революционным рабочим и крестьянам Советской России». ⁶⁶ Общество, которое он упоминает – это Общество технической помощи (ОТП) СССР, членство и финансовая поддержка которого были залогом возвращения в СССР. На практике все обстояло не столь радужно. В Музее Иры сохранилось его письмо коммунарам в Россию, где он повествует о реальном положении дел: «Центральное Бюро в Сиднее еле дышит, на бумаге написали очень много, но дела нет. Хотели послать трактор в Сов. Россию и содержать 30 детей в России, но сейчас детей оставили, взялись за трактор, для трактора нужно собрать около 500 фунтов, а сбор по заемным листам дал сумму 52 фунта. Кроме этого, секретарю плата 2 фунта в неделю, а платить нечем. ... Члены ... платят один шиллинг в месяц, и сколько других и этого не платят, а лишь бы записаться членом». Кэрнский отдел, пишет он, «имеет очень мало членов, поэтому они на нас не обращают внимания». Финансовый отчет Кэрнского отдела ОТП за июль-сентябрь 1924 г. действительно содержит всего 12 членов, которые смогли собрать за 3 месяца всего 10 фунтов. ⁶⁷

Вторая группа коммунаров

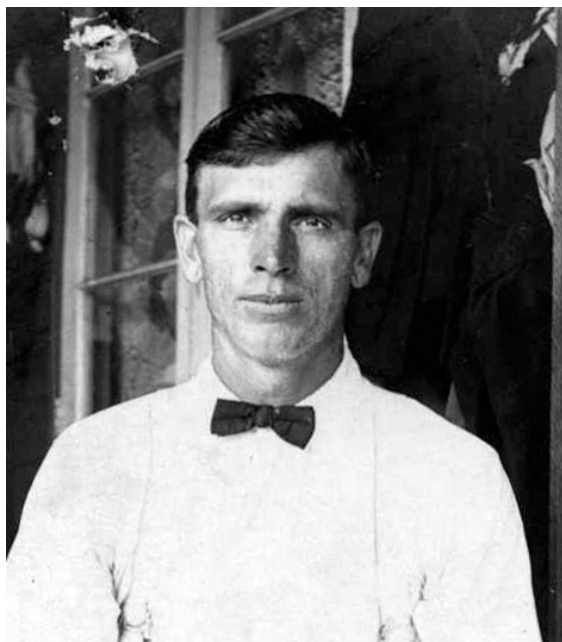
Однако главной задачей для Ивана Савкова, оставшегося во главе Кэрнской организации, теперь было организовать выезд из Австралии второй группы коммунаров. Она насчитывала 20 человек, и мы можем познакомиться с ее участниками немного ближе.

Наш главный герой – Иван Андреевич Савков, крестьянин хутора Угольный Ливенского уезда Орловской губернии, родился в 1887 году. Вероятно, он имел только начальное образование, т. к. в цитированном выше письме он пишет: «Извините, если что будет непонятно, вам известна моя школа, да плюс сладкие палки остальную умственную способность отнимают». Сладкие палки – это тяжелая работа на рубке сахар-

ного тростника. Однако до этого ему пришлось потрудиться на строительстве Кругобайкальской железной дороги, где он работал с земляками – братьями Баскаковыми. В 1910 и 1913 гг. он появляется в записях метрической книги Слюдянской церкви, стоявшей на берегу Байкала. В 1913 году он был крестным у Андрея Баскакова, а в 1914 году он уехал в Австралию с его младшим братом, Федором Баскаковым.

В Австралии Иван Савков работал на севере Квинсленда, на рубке сахарного тростника. Постепенно он вовлекается в политическую жизнь русской общины, сдает деньги на поддержку русской газеты, а в 1916 году – в фонд поддержки бастующих рубщиков сахарного тростника. Возможно в это время произошло знакомство Савкова с легендарным радикалом Александром Зузенко, который в то время был анархистом и проводил агитацию среди русских как активист движения Индустриальные рабочие мира (IWW) и по всей видимости организовал «Керенскую Русскую группу IWW». ⁶⁸ В сентябре 1918 года, отвечая на письмо Савкова о возможности возвращения в Россию (русских в то время их Австралии не выпускали), Зузенко пишет: «Приезжайте в Брисбен на Рождество; сплотившись и продолжив активные действия, мы добьемся возвращения домой». Австралийский цензор, перехвативший это письмо, отметил, что русские готовятся выступить с большим протестом. И протест действительно состоялся – демонстрация под красными флагами во главе с Зузенко и Быковым прошла по улицам Брисбена 23 марта 1919 года., после чего они были высланы из страны. Не удивительно, что когда Зузенко нелегально вернулся в Австралию в июле 1922 года, он написал о своих планах именно Савкову. Тот мгновенно откликнулся с большой теплотой и любовью – ведь о судьбе Зузенко после высылки ничего не было известно: «Уважаемый товарищ А. З.! Вчера я получил Ваше письмо от 17 июля, за что я глубоко благодарен, товарищ. Получается, что вы все еще живы и скитаетесь по миру (богохульствуя против Бога)? Вы разбудите спящих, взбудоражите нерешительных и приведете их в Царствие Небесное. Я от всего сердца рад и благодарен

Вам за то, что Вы не забыли о нас на Севере». К письму Савков приложил документы их организации связанные с попыткой выезда в надежде, что Зузенко сможет им в этом помочь. Именно благодаря этому контакту выступая с Мельбурне Зузенко рассказал об успешной организации сельскохозяйственной коммуны в Кэрнсе.⁶⁹

*Фотография Ивана Савкова в выездном досье в
Национальном архиве Австралии*

Какие-то черточки к портрету Савкова дает и уже упомянутое его письмо в коммуну, написанное в октябре 1924 года. Например, рассказывая о конфликте между русскими группами Кэрнса и Иннисфейла из-за русской библиотеки и выписки газет, он резюмирует: «тут ясно и коротко – если без денег, то читают, а за деньги не интересуют». Он чувствует, как русские в Австралии гибнут без идеалов: «Вот вам товарищи наши новости, одно я от себя еще добавлю, это то, что австралийская желтая свобода развратила людей от мозга до костей, русские многие выходцы научились здесь пить, играть, а когда

нет средств, нет работы, то одни вешаются, другие стреляются и т.д.» Ему хочется надеяться, что идеалы, провозглашенные революцией, осуществляются где-то там, в далекой Советской России: «Я знаю может быть из вас многим трудновато привыкнуть к коммунальному строю, но я надеюсь, что вы выполните долг коммунаров. Вам товарищи легче усвоить жизнь коммунаров, потому что за вас рабоче-крестьянская республика. ... Ну а пока будьте здоровы, желаю вам всем скорей познать истину коммунизма».⁷⁰

В группу Савкова входили две большие семьи – Красиковых и Пилипенко с детьми, которые в общей сложности составляли 16 человек из 20. Именно они и их дети станут будущими строителями коммуны.

Елизавета и Григорий Красиковы (из архива семьи Красиковых)

Григорий Михайлович Красиков родился, согласно австралийской регистрации, в 1874 году и был самым старшим по возрасту во второй группе коммунаров; надо отметить, однако, что на памятнике на кладбище в Ире годом его рождения указан 1879 год. Происходил он, вероятно, из Ачинска, т.к. числился мещанином этого города, однако в австралийских документах местом своего рождения он указывал более крупный соседний город Красноярск. Его жена, Елизавета Ивановна Ростовцева, родившаяся в 1886 году, происходила, судя по сохранившимся семейным фотографиям, из состоятельной семьи; в австралийских документах она указала местом своего рождения Красноярск. Трое их старших детей родились в России: Нина – в 1907 году, Михаил – в 1909, Полина – в 1911. Об их пер-

вых годах в Австралии, куда они приехали в 1913 году, и о смерти их 5-месячного сына Александра, родившегося в 1913 году, мы уже говорили выше.

Красиковы с детьми – Поля, Нина (в центре), Миша – в Красноярске, незадолго до отъезда в Австралию (из архива семьи Красиковых)

Когда в конце 1916 года Елизавета с детьми вернулась из поездки в Россию и семья поселилась в Гордонвейле, в центре сахарного производства, и дети пошли в австралийскую

школу, жизнь, как кажется, стала налаживаться. На элегантной фотографии, сделанной через год после Октябрьской революции 1917 года, они позируют как заправские австралийцы на веранде своего дома: девочки в белых платьях с кушаками, 9-летний Миша в шортах и гольфах в английском стиле того времени, а сам Григорий уже сменил русскую косоворотку на пиджак с рубашкой и галстуком. Елизавета держит на руках их дочь Надю, родившуюся в Австралии. Вслед за ней у них появилось еще трое детей: Николай в 1920 году, Вера – в 1922, и Вайолет (ставшая в России Валентиной) – в 1924.

Красиковы в 1918 году (из архива семьи Красиковых;
реставрация цвета с помощью ИИ)

Их фамилию писали на английский лад Krisecoff, а детей в школе записали как Kriscoff, причем старшая дочь Нина изменила свое имя на Лена, а Полина стала Полли. В сентябре 1918 года обе девочки были на школьном балу в традиционных русских костюмах, что было упомянуто в газетах. В конце того же года Лена была объявлена лучшей ученицей школы и удостоена специальной медали, о чем также сообщалось в местной газете. В 1923 году Полли появляется на балу уже не в русском костюме, в восточном костюме «Гейши». ⁷¹

Но при всем их внешнем погружении в австралийский мир, – а нередко процесс интеграции во многих иммигрантских семьях начинался именно через школьное образование детей, – родители не принимали австралийскую жизнь. Благодаря цензору, перехватившему письмо Григория Красикова родственнику жены в Красноярск, у нас есть мгновенный снимок его чувств в апреле 1919 года вскоре после Бунтов красного флага в Брисбене, эхо которых долетело и до Гордонвейла. Надо сказать, что поскольку у нас есть только перевод русского письма Красикова, сделанного цензором на казенный английский, я попросила ИИ сделать реконструкцию первоначального русского текста, соответствующего стилю рабочего человека, и вот как это письмо могло бы звучать в оригинале: «Ты уж больно рвёшься сюда приехать. Я бы тебе этого не советовал. Без английского языка тут очень тяжело. Все русские здесь только и думают, как бы выбраться да домой вернуться. Работы нам тут не найти. Некоторые наши, что уехали отсюда назад на родину, пишут, что в России куда легче с работой и свободы побольше. Мы бы сами сразу уехали, да только денег на дорогу нет. Как только получим разрешение отсюда выехать – тут, глядишь, ни одного русского и не останется. Ты пиши нам всё, что там у вас в России происходит. Местные газеты тут такое про Россию врут – слушать противно. Нам, русским, сейчас тут совсем худо. Каждый считает, что раз русский – значит большевик. Революции у них тут ещё не было... Да и климат паршивый. Нам совсем не подходит». ⁷²

Григорий, который на первых порах почти не участвовал в социально-политической жизни русской общины в Брисбене, очевидно принял революцию всем сердцем, причем его неприятие окружающего мира несомненно усиливалось неприязненным отношением к русским. Не удивительно, что он, и не только он, но и члены его семьи включаются в помощь голодающей России. В январе 1922 года он сдает деньги в фонд помощи вместе со старшим сыном Михаилом, который возможно уже начал работать. В октябре того же года вместе с Григорием сдают деньги его жена и старшая дочь Лена. В 1923 году в местной газете появляется объявление, что кто-то по ошибке забрал с железнодорожной станции пакет с шестью русскими книгами, предназначавшимися для Григория.⁷³

Свадьба Нины Красиковой и Василия Тишкина. Слева Иван Савков (сидит) и Федор Баскаков, справа Нюра Конопля (стоит) и Поля Красикова (фотография из архива семьи Красиковых, реставрирована с использованием ИИ)

Среди русских, поддерживавших фонды помощи Советской России, нередко встречается и имя W. Tiskin/Tishkin. Это был русский парень Василий Тишкин, который приехал в

Австралию 1913 году и работал в северном Квинсленде. В феврале 1924 года 17-летняя Лена Красикова вступила с ним в брак. В семье Красиковых сохранилась их свадебная фотография, где рядом с Василием позируют элегантно одетые Федор Баскаков и Иван Савков – очевидно они нередко работали вместе на тростниках и были друзьями. Подружками Лены были Нюра Конопля и Поля Красикова. Мы можем только предполагать, чем был вызван столь ранний брак, но возможно это была ее попытка остаться в Австралии, где она, в отличие от родителей, уже чувствовала себя «своей».

Второй многодетной семьей была семья Пилипенко. Евстафий Максимович Пилипенко, согласно записи о браке в 1912 в церкви на станции Зима на Транс-Сибирской железной дороге, родился в 1881 году и был крестьянином Батуринской волости Конотопского уезда Черниговской губернии. Как мы уже отмечали, после участия в Русско-японской войне он остался в Сибири, работая на железной дороге. Его жена, Мария Матвеевна Бринцева, родилась в 1893 году и была дочерью местного ссыльно-поселенца Матвея Ивановича Бринцева. Их первый сын Владимир родился в 1912 году, а через год они уехали в Австралию на «Инаба Мару», сойдя с корабля с группой других русских в Таунсвилле. Отсюда русские обычно отправлялись на рубку сахарного тростника. Вероятно на тростниках какое-то время работал и Евстафий. В Австралии старший сын Владимир стал Вальтером, и в семье родилось еще пятеро детей: Уильям (в России – Валентин) – в 1914 году, Вера – в 1916, Ольга – в 1918, Энн (Анна) – в 1921 и Александр – в 1923. Анна Пилипенко вспоминала, что отец «работал в шахте, на сахарных тростниках, а мама сидела дома».

Действительно Евстафий вскоре нашел хорошо оплачиваемую работу на шахте в городке Селуин на северо-западе Квинсленда, недалеко от тех мест, где семья Красиковых потеряла сына. В русской газете, издававшейся в Брисбене, удалось найти лаконичную корреспонденцию Евстафия, опубликованную в июле 1915 года: «Сообщаю вам, что работы здесь есть. Начали работать копи и литейные заводы. Спрос на ра-

бочие руки большой. Дороговизна тоже не маленькая. Содержание обходится в среднем 27 ш. 6 п. в неделю. Платят же по 11 ш. 6 п. за ярд; на майне [шахте] – 12 ш. и 14 ш. 6 п. в день. Климат жаркий; городок маленький; жить скучно. Но во всяком случае все-таки лучше, чем жить без работы». Пилипенко, очевидно, стали одними из первых русских, осевших в этом суровом отдаленном месте, а в октябре того же года местный корреспондент отмечал уже множество иммигрантов, в том числе и русских, работающих на шахте.⁷⁴

К 1918 году в Селуине было 40-50 русских, которые в мае создали отдел Союза российских рабочих (его в Австралии часто называли Русской Ассоциацией). Как раз в это время в Селуине происходила забастовка рабочих и Селуинский отдел принял решение поддерживать ее, однако на голосовании Австралийского рабочего профсоюза с небольшим перевесом голосов было принято решение о ее прекращении. Как оказалось, среди лиц, голосовавших за прекращение забастовки, было трое русских, включая Евстафия Пилипенко. На собрании отдела 22 июня 1918 г. была принята резолюция об их бойкоте – их исключили из Ассоциации, запретили пользоваться ее книгами и газетами и послали письмо в центр с требованием напечатать это сообщение в газете «Знание и единение». За этим письмом в Брисбен полетело и письмо Пилипенко. Оба письма были перехвачены цензором, и мы можем познаться с позицией Пилипенко в изложении цензора.

«1. Он требует справедливости.

2. Он работает в Селуине уже 5 лет и никогда не был штрейкбрехером.

3. Если он голосовал за прекращение забастовки, то просто следовал указаниям своего разума, которым должен подчиняться каждый человек, и, кроме того, все жители Селуина голосовали так же, и он боялся вызвать их враждебность.

4. Русские, принявшие резолюцию, в основном не обременены семьями и прибыли в Селуин в прошлом году, в то время как он, Пилипенко, имеет семью и является постоян-

ным жителем и поэтому он пострадал бы от забастовки гораздо больше, чем обвиняющие его лица.

5. Предостерегает Ассоциацию против установления местной тирании, в то время как он сам является твердым сторонником рабочего движения».⁷⁵

Имя Пилипенко действительно в 1915–1916 гг. встречалось на страницах русских газет, издававшихся Союзом российских рабочих – он жертвовал деньги в фонд газеты и выступал вместе с женой против обязательного призыва в армию. Интересно, что Союз российских рабочих не одобрил отлучение провинившихся русских от библиотеки и газета не напечатала резолюцию о бойкоте. В ответ Селуинский отдел под руководством своего воинственного лидера Гаврилы Макарова принял новую резолюцию, требуя напечатать их письмо и угрожая выйти из Союза. Цензор, читая всю эту переписку иронически комментируют, что вероятно в Селуинском отделе произошел радикальный переворот, т.к. вторую резолюцию подписали лишь 16 человек из 40. 3 января 1919 года Макаров уехал в Россию, а уже 11 января Пилипенко вместе с другими русскими жителями Селуина выступил с требованием выпустить их из Австралии, объединившись против реального общего «врага» – австралийских властей.⁷⁶

В 1919 году Пилипенко покинули Селуин. Вероятно сняться с насиженного места их заставила не только несправедливая история с бойкотом, но и массовые увольнения русских рабочих, начавшиеся в Селуине в конце 1918 года. Пилипенко, у которых к тому времени было уже четверо детей, переехали в другой горнорудный поселок – Чиллаго, расположенный в горной местности в 200 километрах на запад от Кэрнса. Новое место по крайней мере было поближе к разнообразной русской жизни в Кэрнсе. Отсюда же Евстафий в периоды безработицы отправлялся на северо-восток, в Моссман, на рубку сахарного тростника. В Чиллаго они купили шестикомнатный дом, и старшие дети здесь пошли в школу. Об их успехах мы узнаем из заметки о наградах в конце учебного года в местной школе в декабре 1920 года. Среди отличив-

шихся – Уильям Пилипенко из второго класса. В 1924 году один из сыновей – «W. Pilipenko» (это мог быть старший Вальтер или второй Уильям) – выступал на школьном представлении в костюме скаута. Анна Пилипенко, третья дочь Евстафия и Марии, родившаяся, вероятно, как раз в этом самом городке, в интервью 2017 года вспоминала: «Сначала жили в Сиднее, потом переехали в русское поселение. Там было много русских – и белогвардейцы, и коммунисты. Моя мама там курсы ликбеза окончила. Австралийскую жизнь помню плохо – мне было всего 4 годика, когда оттуда уехали. Запомнился лишь наш дом и двое негров». Проясняя эти слова сквозь аберрации времени, памяти и чужого языка можно утверждать, что говорила Анна не о Сиднее, а о Селуине, русское поселение – это было Чиллаго, где на рудниках нашли работу многие русские иммигранты. А негры – это, конечно, австралийские аборигены – возможно они помогали многодетной семье Пилипенко по хозяйству.⁷⁷

Здесь Евстафий снова включился в рабочее движение. 7 ноября 1924 года, в день пятилетия Октябрьской революции, Евстафий, Джон Савков, Ф. Дунаев и Г. Крупович сдают по фунту – весь свой однодневный заработок – на поддержку австралийской рабочей газеты «Уоркерс уикли». Еще раньше, в январе 1922 года и Евстафий, и его жена Мария в списке доноров в фонд помощи голодающим в России, а в октябре того же года он уже выступает сборщиком пожертвований в этот фонд среди австралийцев, причем Мария опять записана отдельно. Вовлечение Марии в общественно-политическую деятельность очевидно подтверждает смутные воспоминания их дочери Анны, что ее мать окончила там «курсы ликбеза».

«После революции родители захотели вернуться на родину. Но визу долго не давали», рассказывала в своих воспоминаниях Анна Пилипенко. Действительно, их семья значится в списке Симонова 1919 года среди желающих выехать из Австралии. В начале 1920-х годов Пилипенко вступает в Кэрнский отдел Общества технической помощи и, по всей видимости, в сельскохозяйственную коммуну и готовится к отъ-

езду в Россию. Баскаков, уезжая с первой группой коммунаров в мае 1924 г., посылает Евстафию телеграмму с «Четверговых островов» с просьбой напечатать фотографии. В музее Иры сохранился ответ Евстафия, написанный легким, беглым почерком с завитушками, который позволяет нам услышать его «голос». «Шлю товарищеский привет и желаю тебе всего хорошего в твоих делах, – пишет он, – хорошо встроиться в Советской России, а также поправить свое здоровье и быть хорошим деятельным коммунистом». Объясняя, что он не смог сразу выполнить просьбу Баскакова о фотографиях тем, что в Чиллаго нет фотографа, он прибавляет: «ты сам знаешь это проклятое место, что и заставило отсрочить высылку фотографических карточек». Сам он думает «ехать на тростники», но все мысли его, как видно, о возвращении на родину.⁷⁸

Кроме Ивана Савкова и семей Красиковых и Пилипенко в группу входило еще трое мужчин. К сожалению, сведения о них очень скудные.

Федор (в некоторых документах – Федот) Антошин родился в Туле в 1889 году. В Австралию он прибыл в 1910 году на корабле «Кумано Мару» и работал рубщиком тростника, садовником и разнорабочим. Представление о стиле жизни таких рабочих дает его регистрация иностранного подданного, которую ввели в конце 1916 года из-за военных предосторожностей. Пройдя первичную регистрацию, русские должны были отмечаться в полицейском отделении при каждом переезде из одного места в другое. В конце 1916 года он зарегистрировался Мурильяне, где, вероятно, работал на тростниках. В начале 1917 года он переезжает на запад штата в горнорудные центры Куридала, Селуин, Маунт-Кутберт и снова Селуин; 1918 год он проводит в Таунсвилле, возможно работая там на скотобойне. 1919 год начинается работой на тростниках в Халифаксе, затем он едет в Тарзали, на строительство железной дороги, где в это время работал и Баскаков, посещает по соседству Маланду и снова возвращается в Тарзали. В 1920 году, после окончания строительства железной дороги, он отправляется в Чиллаго, но, очевидно не найдя там работы, он едет в

Кэрнс, а оттуда на тростники: Бабинда, снова Кэрнс, Саут-Джонстон, Мурильян. В 1921 году он все еще на тростниках – Иннисфейл, Мурильян, но затем отправляется в Сидней, возможно в поисках работы, а может быть в надежде добиться разрешения на выезд из страны.

В архиве австралийского цензора сохранилось одно письмо Антошина, написанное в Таунсвилле в марте 1919 года: «Наша Селуинская организация разбита: секретарь, его помощник и комитет разъехались кто куда. Некоторые поехали в Иннисфейл – Иван Савков, Володька Чернязов, Пикунوف и другие – работать на рубке леса, но большинство без работы. ... Дела совсем плохи – работы нет ни в Клонкари, ни в Кэрнсе. В Таунсвилле уволили 600 работников мясокомбината. Я сижу без работы. Бросил тут якорь 1 декабря и жду Девятого вала. ... Если нам удастся пережить этот год, дальше будет легче».⁷⁹ Зузенко вероятно получил это письмо накануне их знаменитого марша под красными флагами, за которым последовали погромы русских кварталов Брисбена. Девятый вал действительно пришел, но положение русских от этого только ухудшилось и единственной надеждой для Антошина, как и для многих других стало возвращение в Россию.

Андрей Пильгуй родился в 1881 году, место его рождения пока выяснить не удалось. В 1913 году он приехал в Таунсвилл с Дальнего Востока, в 1915–1917 годах работал на строительстве железной дороги на Северной Территории, затем вернулся в Квинсленд. В Австралии его фамилия писалась как Pilginy, Piligny, Pilguu. Он активно поддерживал русскую газету, сдавал деньги в фонд помощи российским политзаключенным, помогал больным товарищам. В 1920 году он получил разрешение на выезд, но оказался в группе, застрявшей из-за дела Дунаева. С 1922 году он активно поддерживал Общество технической помощи Советской России, делая большие взносы.

Во вторую группу также вошел участник-иностранец. Это был Джон Сторнога, родившийся в 1883 году в городке Опрталь в Австро-Венгрии (ныне это Хорватия). Он приехал в Сидней в 1907 году и жил в центральном Квинсленде, в районе

Бандаберга и Ингэма. Одно время он даже пытался стать землевладельцем, взяв участок земли вероятно для выращивания сахарного тростника, но не смог обрабатывать его должным образом и потерял на него право.⁸⁰ В 1924 году его имя встречается в списке взносов в Фонд технической помощи. Очевидно, ему импонировали идеи коммунизма, и он решил отправиться вместе со своими русскими товарищами строить новый мир в Советской России.

И снова в путь

Теперь, когда мы познакомились со всеми участниками второй группы, посмотрим, как происходило оформление их документов для переезда. Члены группы окончательно определились со сроками и маршрутом выезда в январе 1925 года. Именно в это время Пилипенко объявляют о продаже своего шестикомнатного дома в Чиллаго – кухня, ванная, веранда, колодец с водопроводом.⁸¹ Вся группа планировала выехать из Кэрнса в марте 1925 года на корабле «Сент-Олбанс», который шел через Гонконг, а затем проследовать в Шанхай. Разрешение на выезд Джона Савкова было оформлено еще год назад. В мае 1924 года, когда готовилась к отбытию первая группа, было оформлено разрешение и для Андрея Пильгуйа, однако он не успел к ней присоединиться. В январе 1925 Савков и Пильгуй подтвердили Налоговому управлению свое намерение выехать на «Сент-Олбансе», документы были одобрены МВД, получена китайская виза и, вместе с разрешениями на въезд в Советскую Россию, которые к ним прилагались, в феврале они были отправлены в налоговое управления в Кэрнсе.

23 января 1925 г. налоговое управление в Сиднее, которое очевидно являлось центральным офисом этой службы, пересылает в МВД заявки на выезд остальных участников – семей Красиковых и Пилипенко, а также Федота Антошина и Михаила Трофимовича Панфилова, который также намеривался ехать в этой группе. Сведения о них также направляются в

Брисбенский офис Бюро расследований (службы безопасности). У Панфилова к этому времени уже есть настоящий российский паспорт, полученный от советского представителя в Лондоне, так что в него надо только проставить китайскую визу. 30 января Бюро расследований сообщает, что на Красиковых и Пилипенко у них негативной информации не имеется, причем, что характерно для бюрократической системы того времени, они фигурируют под искаженными фамилиями Krisecoff и Palipenko, и возможно на них просто не находят весь накопившийся «компромат». Однако Федота Антошина, несмотря на путаницу с его именами Федор и Федот, Бюро расследований выявило в своих досье и дало следующую характеристику: «Связан с революционными коммунистами и сам числился таковым. Выезд желателен, но разрешение на выезд не должно позволить ему снова въехать в Австралию». Михаил Панфилов получил еще более жесткую характеристику: «На протяжении многих лет находится под постоянным наблюдением как ярый коммунист и революционер. Экстремист с российскими связями. Его отъезд крайне желателен, с пометкой, что он является нежелательным элементом и ему ни при каких обстоятельствах не разрешается возвращаться в Австралию». К началу марта все разрешения оформлены и их направляют в налоговое управление в Кэрнс.⁸²

18 марта 1925 года вся вторая группа коммунаров садится на «Сент-Олбанс» в Кэрнсе. С ними едет и австриец Джон Сторнога. На корабле их встречает Иван Савков, который собственноручно получил свое разрешение на выезд в Сиднее и там же сел на корабль. А вот Панфилова, который вместе с Джоном Савковым должен был возглавлять всю группу, в списке пассажиров нет.⁸³ Что именно его остановило – запрет на возвращение или личные причины – неизвестно, но его планы возвращения на Родину через несколько лет все-таки увенчаются успехом. Вторая группа состояла из 20 человек: шести мужчин, двух женщин и 12 детей в возрасте от 7 месяцев (Вайолет/Валентина Красикова) до 15 лет (Михаил Красиков). Красиковы оставляли навсегда могилу своего маленького

сына Александра, умершего в далекой Куридале, и старшую дочь Нину/Лену, которая уже ждала своего первого ребенка.

Вторая группа ехала через Шанхай и Харбин, поскольку в харбинской газете «Трибуна» появилась информация об их посещении редакции. Кстати сказать, газета эта была активно просоветской и материалы об австралийских реэмигрантах появилась в ней накануне ее закрытия китайскими властями за пропаганду коммунистических идей.⁸⁴ Газета опубликовала заявление, подписанное всеми участниками группы. Приведем его полностью:

«Привет уезжающих рабочим Австралии.

Мы, вторая группа русских рабочих эмигрантов Австралии, уезжая в числе 20 душ, на экономический фронт Советской России, шлем свой горячий привет всем рабочим Австралии. Мы уезжаем в рабоче-крестьянскую страну, дабы помочь восстановлению ее разрушенного хозяйства. Мы хорошо знаем, что экономическое положение в Сов. России далеко еще от благополучия. Мы знаем, что впереди предстоит тяжелый труд, лишения и мытарства, но мы знаем также то громадное значение, которое коммуны имеют для страны, для крестьянства...

Мы охотно отдадим свои знания, опыт и силы СССР и коммуне, куда мы едем.

Мы шлем товарищам, друзьям и знакомым свой привет и зовем их твердо стоять за рабочее дело и за рабоче-крестьянскую страну. Мы призываем всех русских рабочих, собирающихся уехать в СССР, уезжать организованным порядком, ибо настоящее строительство есть строительство коллективное, единственно приемлемая для рабочих форма.

Только в единении сила рабочего, только общими силами они добьются того, что эксплуатация человека человеком исчезнет с лица земли и наступит век труда и человеческого счастья.

Да здравствует единая в мире рабоче-крестьянская страна. Да здравствуют рабочие и крестьяне всего мира».⁸⁵

Кроме того «Трибуна» поместила интервью с участниками второй группы, где приводилась, в частности, такая беседа:

«– Как вам жилось вообще?

– Трудно, – ответил хохол Черниговской губернии, черноусый, сорокалетний мужчина, одиннадцать лет проработавший чернорабочим в Австралии, и за этот срок уже спотыкающийся в русской речи, впутывая в нее английские слова. – Особенно трудно вначале было, когда не знал языка».

Это, несомненно, Евстафий Пилипенко, уроженец Черниговской губернии. А вот портрет женщины: «Женщина-эмигрантка (наша, российская, но уже и по облику, похожая на англичанку) не выдерживает и начинает говорить, видимо, о наболевшем: о ценах на пищевые продукты». Это либо Мария Пилипенко, либо Елизавета Красикова. Рассказ наших героев «об австралийском житье-бытье» был самым что ни на есть критическим. Женщина жалуется: «А квартиры? Малюсенький флигелек из двух комнат, без всяких удобств – 5 рублей в месяц. Это за одни доски». Надо сказать, что это несколько противоречит их образу жизни, т. к. и Красиковы, и Пилипенко жили в хороших, вполне добротных домах.

Жалуясь на дороговизну, наши герои, впрочем, признают, что за работу «Плата большая. Восемь рублей в день. Но ведь это что: в карман из кармана перекладывать». В стиле просоветской позиции «Трибуны» они нелицеприятно представили эмигрантов новой волны, которые в эти годы начали переселяться с Дальнего Востока в Австралию:

«– Много ли русских эмигрантов в Австралии?

Мои собеседники машут рукой.

– Тьма. Старых-то немного. С 20 года нанесло их: белые понаехали. У них там есть тайная организация. Но относятся к ним плохо ... Если рабочие узнают, что к ним приехал какой-нибудь полковничек или вообще офицер, так тюкать его начинают.

– Как?

– Тюкать. Везет он, скажем, тачку, а ему подсчитывают по-военному: раз, два, раз, два! Смехом изводят. Конечно, которые смиренные, тех не трогают».

И прямо в стиле передовицы «Правды» «Трибуна» представляет их рассказ об австралийских коммунистах: «Мои собеседники, воодушевляясь, начинают рассказывать о вожде коммунистов в Австралии Джеке Гардене, посетившем Советскую Россию, и теперь, возвратившись в Австралию, все силы свои отдавшем коммунизму».

А вот их рассказ об австралийских аборигенах представляет интерес: «Много рассказывали эмигранты об ужасном положении туземного, чернокожего населения. Совсем на положении скота. Живут на реках. Питаются травой, кореньями. Если нужен дешевый слуга, англичане обращаются в полицию и им оттуда дают чернокожего. Причем заработок платится не австралийцу [т.е. не австралийскому аборигену], а вносится в [полицейские] участки. Полицейские дают чернокожему процент».⁸⁶ Русские пытались объяснить действия так называемого «Акта о защите аборигенов», согласно которому работоспособных коренных жителей государство отдавало по контракту местным белым переселенцам, «прикрепляя» их на определенный срок. Заработок аборигенов шел на их банковский счет, находившийся в местных полицейских участках. Аборигены могли получать на руки со своих заработков лишь малую толику заработанных ими денег, которые оставались в руках полицейских и затем переходили в собственность государства. Именно против этой системы закабаления боролся Леонид Ильин, герой моего исследования о русско-аборигенской семье.⁸⁷ Наши иммигранты, и особенно семья Пилипенко, жившая в горнорудных поселках на краю европейского освоения страны, вполне вероятно нанимали аборигенов для помощи по дому. Не спроста именно «двух негров» запомнила Анна Пилипенко из своего австралийского детства.

15 мая 1925 года в «Вечерней Москве» появилось краткое сообщение: «В Москву прибыла из Австралии группа иммигрантов, направляющихся в коммуну имени В.И. Ленина в

Кирсановском уезде, Тамбовской губернии». Таким образом путешествие второй группы длилось почти два месяца, примерно столько же, как и первой. На заседании коммуны Иван Савков докладывал: «Езда была незавидная; перед выездом имели капитала 753 ф. в переводе на русские = 3712 р. 4 к., израсходовано 3620 р. 74 коп., остаток выразился в 91 руб. 26 коп, которые сданы в кассу коммуны». Несомненно, встреча со своими давними товарищами из Австралии, с которыми они не виделись почти год, стала радостным событием для всех. Анна Пилипенко вспоминала: «Нас определили жить в коммуну, поселили в большом трехэтажном деревянном доме. Внизу была столовая, все члены коммуны там питались».⁸⁸

По состоянию здоровья?

В коммуне к тому времени был налажен быт, восставлялось хозяйство, казалось бы, что этим счастливым концом и можно было бы закончить наше исследование. Однако в нескольких досье Национального архива Австралии обнаружилась переписка по поводу возвращения в Австралию лидера второй группы Ивана Савкова, активную роль в судьбе которого играла семья Лозан из Австралии. Все объяснилось благодаря помощи участников группы «Ирская коммуна», обнаруживших в Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО) письмо Мальвины Лозан, еще одного участника Ирского эксперимента, которое связало разрозненные факты в логичную историю.

Мальвина Адамовна Лозан летом 1925 года провела несколько недель в Ирской коммуне как гостя. Согласно австралийским документам, Мальвина, урожденная Наркинтович, родилась в Вильно в 1881 году. В самом начале XX века Мальвина и ее муж Казимир Лозан переехали в Сибирь и жили, вероятно, в Иркутске, где родились их старшие дети Елена, Адам и Болеслав. В 1912 году, вместе с потоком русских эмигрантов, они приехали в Брисбен, здесь родилась их младшая дочь Амелия. В Квинсленде они жили в Маунт-Моргане, где

даже приобрели дом. В 1918 году перебрались в Таунсвилл и содержали там рыбный ресторан. В 1920 году вся семья получила разрешение на выезд в Советскую Россию. Их отъезд не состоялся и после этого они переехали в Сидней, где Казимир открыл фруктово-овощной магазин на Оксфорд-стрит, одной из центральных улиц города.⁸⁹

Хотя они и принадлежали к среднему классу и вполне интегрировались в австралийское общество, очевидно их привлекали идеи коммунизма и возможно они были вовлечены в революционную деятельность еще в России. Иначе трудно было бы объяснить все последующие события. Разрешение на выезд из Австралии «на Восток и обратно» Мальвина запросила еще в начале 1925 года, планируя выехать на «Сент-Олбансе», на котором как раз отправлялась вторая группа коммунаров. В досье австралийской службы безопасности отмечалось, что миссис Лозан «настоятельно требовала» от властей оформить все ее документы как можно скорее, чтобы она могла ехать именно на этом корабле, мотивируя необходимость этой морской поездки рекомендацией ее лечащего врача. Однако при проверке оказалось, что ее врач не давал такой рекомендации, и она не была у него уже семь месяцев. Когда же миссис Лозан поняла, что документы могут не успеть оформить вовремя, «она с жаром воскликнула, что если она не сможет поехать на этом судне, то никакое другое судно ей не подойдет, и она вообще не поедет». Не удивительно, что именно тогда она попала в поле зрения властей, которые знали, что на этом судне отправляются в Советскую Россию «несколько известных коммунистов». Тем не менее разрешение на выезд и возвращение ей дали.⁹⁰ В напечатанных в газете пассажирских списках «Сент-Олбанса» ее нет, но вероятно она получила разрешение в последний момент и в газетный список ее имя не успели добавить. Согласно документам ГАТО, в Иру она прибыла вместе со второй австралийской группой и должна была принять решение о своем вступлении в коммуны.⁹¹ Очевидно, что она ехала в коммуны «на разведку», прежде чем сорвать всю семью с места, ведь в Австралии у нее

оставалось четверо детей. По крайней мере ее письмо в Совет коммуны, датированное 3 июля 1925 г., написано вполне дипломатически:

«Дорогие товарищи!

Первым долгом позвольте мне поблагодарить вас за то, что вы позволили мне погостить у вас.

Со своей стороны я очень желала бы остаться с вами в коммуне, но через детей я не могу. Дети мои уже почти взрослые и мне с [н]ими нужно говорить обо всех делах вашей коммуны, и если они согласятся со мной, то мы будущей весной приедем к вам, если вы, конечно, примите.

Теперь, товарищи, прошу вас выдать мне удостоверение, что я жила у вас и на право получения паспорта на выезд.

Еще раз позвольте мне поблагодарить всех коммунаров за товарищеское ко мне отношение».⁹²

В тот же день Иван Савков также подает заявление в Совет коммуны:

«Дорогие товарищи коммунары, прошу вас исключить меня из числа коммуны.

Причины, побудившая меня выйти из коммуны, следующие: живя долгое время в жаркой стране Австралии, приехав сюда сразу же почувствовал себя нездоровым и чем дальше живу, тем хуже себя чувствую.

Я намерен пробраться на юг и если возможно, то дайте мне денег рублей 10, и кусок хлеба на дорогу».⁹³

Очевидно, что Ивана Савкова испугал не только холод – ведь приехали они как раз к началу лета, – но и общее разочарование в рабоче-крестьянской утопии. А в словах о куске хлеба на дорогу явно звучит горечь и насмешка над этими иллюзиями. Надо сказать, что в отличие от индивидуальных реэмигрантов, которые везли с собой какие-никакие сбережения – вспомним историю с золотыми соверенами Дунаева, – коммунары отдавали в коммуну практически все свои сбережения. Говоря о своем плане «пробраться на юг», Савков имел в виду явно не юг России, а далеко идущий план возвращения в Австралию с помощью Мальвины Лозан. Она возвращалась

через Дальний Восток, и он вызвался сопровождать ее на этом далеко не безопасном пути.

Через четыре дня заявление о выходе из коммуны подает и Игнатий Кальсин. Его заявление содержит настораживающую фразу: «Товарищи, ввиду неприятности, получившейся за последнее время, прошу исключить меня из членов 1-ой с.-х. коммуны из Америки имени Ленина». В отличие от Ивана Савкова он хочет всего лишь добраться до своих родных: «помогите мне доехать до родных в Вятскую губернию. Вы сами знаете, что у меня в кармане наличного капитала нет ни одной копейки, а пешком пойти далеко, немного нужно финансов, а их нет». Совет коммуны принял решение «Не препятствовать выезду из коммуны тов. Кальсину, но вместе с тем побеседовать с ним, что побудило выбыть из коммуны его». Через две недели, 21 июля, сходное заявление подает и Федор Анчишин, который хочет выйти из коммуны «на основании слабого здоровья».⁹⁴ Надо отметить, что в 1924–1925 годах, как писал Федор Баскаков, «зарплату в коммуне не получали, все средства шли на развитие общественного хозяйства коммуны».⁹⁵

Вскоре после прибытия приняла решение о возвращении в Австралию и семья Пилипенко. С шестью детьми, без денег, это было почти невыполнимое решение, но ведь когда-то, пойдя против рьяных активистов, Евстафий Пилипенко написал, что он следует «указаниям своего разума, которым должен подчиняться каждый человек». К их истории мы еще вернемся, а пока проследуем за Мальвиной Лозан и Иваном Савковым, заявления которого, как и других выбывающих, Совет коммуны одобрил.

Возвращение реэмигрантов, испытавших на практике жизнь в Стране Советов, в страну первоначальной эмиграции было болезненным моментом советской иммиграционной политики. Именно поэтому первоначальный отбор реэмигрантов осуществлялся через коммуны и артели и контролировался Советом труда и обороны. И если на первых порах, в начале 1920-х годов, разрешения на выезд из СССР еще можно

было получить, то к концу 1920-х годов условия ужесточились настолько, что нередко попытки возвращения в Австралию заканчивались арестом и заключением.

Это было непростое психологическое и экономическое решение и для самих реэмигрантов. Надо сказать, что русские в Австралии, и в частности Кэрнская группа, были в достаточной мере осведомлены о печальном опыте первых реэмигрантов, вернувшихся обратно в Австралию – нередко их письма печатались в австралийских газетах. Еще в марте 1922 года в русской группе Кэрнса обсуждался вопрос «Наше отношение к возвратившимся русским из Советской России». «Этот вопрос, – писали Панфилов и Баскаков, – возник на основании ложно распространяемых ими слухов о существующем положении в России. Мы решили обратиться ко всем существующим отделам и организациям Союза Российских рабочих-коммунистов в Австралии и попросить их собрать все факты и причины их возвращения, а затем вынести то или иное решение». Затем, в 1923 году, были предостережения «ходока» Анфиногентова, что люди из коммун разбегаются. И уже в 1924 году сам Иван Савков писал своим уехавшим товарищам из первой группы: «Товарищи, считаю не лишним упомянуть, что тов. Дунаев получил письмо из России от бывшего нашего ходока Анфиногентова жены, она пишет контрреволюционную пропаганду, ругает все завоевания пролетариата. Я просил бы вас, товарищи, поставить Анфиногентову все это на вид».⁹⁶

История о советском паспорте

Теперь же Иван Савков, наконец-то понявший, что эти предостережения имели под собой почву, поехал с Мальвиной Лозан в Москву, где 3 августа 1925 года он получил паспорт, позволявший ему пересечь границу. Такой же паспорт, очевидно, получила и Мальвина. В коммуне ей выдали удостоверение, «что она вела себя за время пребывания в коммуне честно и добросовестно».⁹⁷ К сентябрю 1925 года они добра-

лись до Шанхая в Китае, а уже 22 сентября Казимир Лозан из Сиднея обращается в Министерство внутренних дел с просьбой выдать разрешение на въезд в Австралию Савкову. Несколько дней спустя с такой же просьбой в МВД обращается Виктор Василевский из Мельбурна; к его письму приложена копия разрешения на выезд, выданная Савкову еще в 1924 году, когда он планировал ехать с первой группой коммунаров. В разрешении было указано, что он едет в Россию навестить родственников, причем запрета на возвращение в Австралию, как было сделано на документах Антошина и Панфилова, на нем не было проставлено. Это объясняется тем, что Иван Савков, подавший документы в 1924 году одним из первых, провалился, образно говоря, в щель между министерствами – Налоговое управление еще не получило инструкций направлять все заявки на выезд в Бюро расследований, и таким образом Савков получил «чистое» разрешение. Везло ему, на первых порах и дальше. Австралийское МВД, видя, что информации из Бюро расследований нет, дает разрешение на въезд «при условии, что британский консул в Шанхае не имеет данных, препятствующих этому». (Поскольку в то время Австралия не имела полной самостоятельности в сфере иностранных дел, ее интересы за рубежом представляли британские дипломаты). Савкову, за счет Лозана, посылают телеграмму о разрешении, а само разрешение идет на подпись генерал-губернатору Австралии, который 9 ноября отправляет его британскому консулу в Шанхае.

Тем временем Мальвина Лозан добралась до Гонконга, где села на корабль «Чангша» и благополучно прибыла в Сидней 10 ноября. 12 ноября Савков пишет письмо Лозанам из Шанхая:

«Уважаемые товарищи Лозаны!

Дело в следующем: как видно мне разрешение на въезд в Австралию пришло из Мельбурна. Но в шанхайском консульстве со мной обращаются плохо. Но я буду действовать как советский гражданин, а не как белый бандит и консульство Британии должно со мной считаться как с равным гражданином.

Вас, товарищи Лозаны, прошу, что если будут какие обо мне справки от агентов, то отвечайте правильно, т.е. когда я выехал из Австралии и желаю обратно возвратиться в Австралию, поехал в Советскую Россию, но жить ему не понравилось в Советской России. Прошу не врать австралийскому правительству, что мол меня в Россию не пропустили, потому что у меня советский паспорт на руках, а другой австралийский не действительный».

В это время Австралия начала принимать «белых» русских эмигрантов – для въезда обычно было достаточно приглашения состоятельного человека, как это и сделали Лозан и Василевский для Савкова. Однако Иван Савков явно не хотел идти по этому пути и поступиться своими принципами. Несмотря на то, что в Советской России ему «не понравилось», он явно гордился своим советским паспортом и хотел въехать в Австралию как советский гражданин.

Далее в письме Савков пишет: «Ну а как тов. Лозана доехала? Я очень беспокоился о ней. Пароход, на котором она поехала, очень плохой. Ну, буду надеяться, что она жива и здорова и долго будет помнить, как ездят на хolidей. Для меня, старого бродяги, и то надоела эта проклятая волокита, но конгеллит (Сила Богов). ... Привет Адаму и Лене Барановской и всей русской братии, которые меня знают. P.S. Mrs Лозана, ваше поручение исполнил, письма послал Краковскому, Спешилову и Залесскому и вложил 11 карточек postcards с шанхайскими видами».

Ирония по поводу «хolidей» Мальвины (которая формально ехала для поправки здоровья!), пережитые ими советские мытарства, зашифрованные слова конгеллит, выписанные в его письме четко – все это говорит о том, как непросто им было вырваться из Советской России. Лица, которым он по поручению Мальвины он послал письма с открытками, вполне вероятно были сотрудниками советского госаппарата, которые посодействовали их выезду. Адам и Лена – это старшие дети Лозанов, которые еще появятся в нашей истории. В этот момент Савков все еще был уверен, что худшее позади и он

скоро будет в Австралии: «Я намерен выехать в декабре к вам в Австралию... Когда буду ехать сообщу вам телеграммой».

I.
12 ноября 1925
Shanghai china

Уважаемые товарищи Лозанн!
Дело в следующем: как видно из разрешения на въезд в Австралию, пришло из Мельбурна.
Но в Шанхайском консульстве совсем обращаются плохо.
Но я буду действовать как Советский гражданин, а никак Белый Бандит и консульство Британии должно считать как с равным гражданином.
Вас товарищи Лозанн прошу, если будут какие-либо справки от агентов, то отложите правильно т.е. ~~но~~ ^{но} я выехал из Австралии, ~~и~~ и всею обратю возвратиться в Австралию, ~~я~~ ^я ~~я~~ ^я в советской России по тому ему не покровительств в советской России.
Прошу не врать Австралийскому правительству, что моя книга в России не пропущена. потому, что у меня советский паспорт по факту.
а другой Австралийский не действителен. Нового в Шангае мало жаль скучная. Я намерен выехать в декабре.
Квот в Австралию, ну как тов. Лозанн.
Давала я очень благодарна за все по поводу

National Archives of Australia
NAA: A1, 1926/4584

Письмо Ивана Савкова Казимиру Лозану, 1925 г.
(Национальный архив Австралии)

Как раз в это время, в середине ноября, британский генеральный консул в Шанхае, сэр Сидни Бартон, получивший разрешение на выезд Савкова, которое, однако, формально оставляло право на последнее слово за ним, сообщает в Австралию, что у Савкова на руках советский паспорт и добавляет: «Он не может назвать здесь никого, кто мог бы дать ему

рекомендацию, кроме генерального консула СССР, и следовательно симпатизирует большевикам». Этого оказывается достаточно, чтобы запустить обратный процесс и 1 декабря генерал-губернатор Австралии шлет консулу новую телеграмму: «Савкову в разрешении на въезд отказать».

Казимир Лозан, узнав об отказе, снова обращается к властям, пытаясь представить ситуацию в респектабельном ключе, мол, он хотел устроить ферму для выращивания сахарного тростника и Савков нужен ему как специалист в этом деле. В декабре старшая дочь Лозанов, Елена Барановская, по просьбе отца посещает министерства для личных переговоров, а затем со старшим братом Адамом едет в центральный офис Министерства внутренних дел в Мельбурне. Эти молодые ребята, выросшие в Австралии, по мнению австралийских чиновников «вполне респектабельные люди». Они-то и объясняют главную причину вовлеченности Лозанов в дело Савкова – Мальвина полностью оплатила его дорогу до Австралии и дала деньги на проживание в Шанхае в ожидании визы. Если Савкова не впустят в Австралию, то он не сможет вернуть долг и они этих денег не увидят. Объясняют они и вступление Казимира Лозана в Русскую Ассоциацию в Сиднее, – он это сделал, чтобы Мальвина могла съездить в Россию посетить родственников.

Но это был еще не конец истории. Теперь Налоговое управление направляет запрос в Бюро расследований Нового Южного Уэльса относительно благонадежности семьи Лозанов. 22 декабря 1925 года, когда все материалы ложатся на стол майора Харольда Эдварда Джонса, главы службы безопасности Австралии, он составляет детальный меморандум по делу Лозана-Савкова. Оно начинается с характерной для служб безопасности позиции. На запрос МВД, есть ли конкретные причины для подозрений Савкова и Лозана, сиднейский офис Бюро расследований ответил такой замысловатой фразой: «Да, поскольку мы уже ранее проявляли интерес к лицам, относящимся к той же категории, что и лицо, в отношении которого было подано заявление о возвращении в данном случае».

Переводя на обычный язык это значит, что фактов нет, но поскольку мы и раньше подозревали всех русских в коммунистической деятельности, то и этот русский попадает в эту категорию и есть все основания ему отказать. Конечно, с формальной точки зрения это было вопиющее беззаконие для правового государства, но на практике это был вполне действенный механизм для защиты Австралии от коммунистической угрозы, и в случае Савкова они не ошиблись.

Тем не менее майору Джонсу удалось собрать некоторые факты. Прочитав ни на чем не основанное заявление сиднейского бюро, что «мнения и связи Лозанов вызывают сомнения», которое не подтвердилось местным полицейским, давшим о Казимире Лозане положительный отзыв, Джонс заметил: «вряд ли Лозан дал бы имя полицейского, который имеет на него компромат». Но стремление Мальвины Лозан плыть именно на «Сент-Олбансе», на котором

Майор Джонс, глава австралийской службы безопасности, который держал русских на постоянном контроле

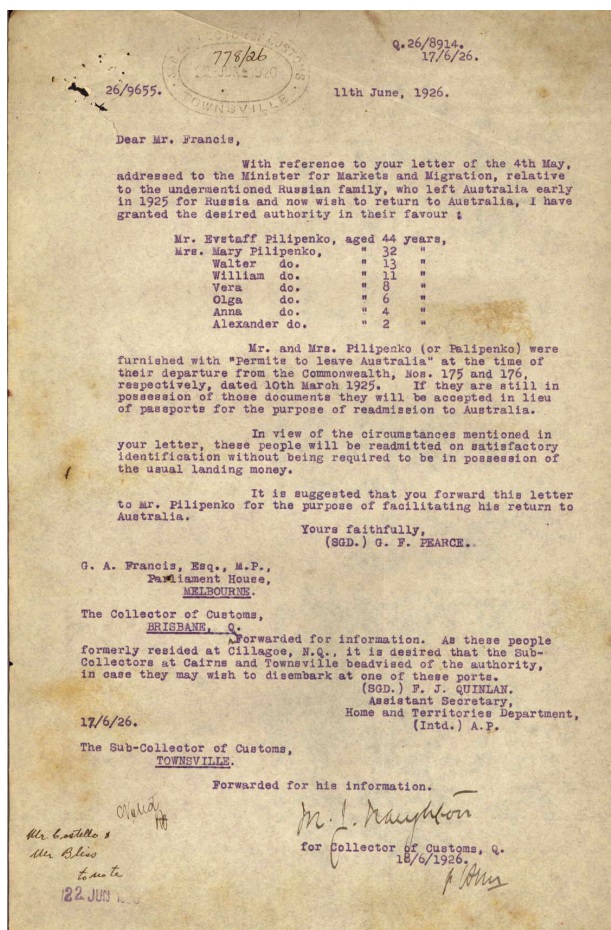
ехало несколько «отъявленных коммунистов», Джонс интерпретировал правильно. Что касается Савкова, то заявление Джонса было сделано, как кажется, заведомо расплывчато: «Савков был членом Общества технической помощи Советской России, и в нашем ведомстве он известен как лицо, которое другие члены Коммунистической партии, считают актив-

ным членом». Активным членом Компартии или активным членом Общества технической помощи был Савков из этого текста не ясно, но все последующие документы интерпретировали это как факт, что Савков был членом Компартии. О Казимире Лозане «факты» Джонса были еще более обтекаемыми: «Я также получил информацию из надежного и конфиденциального источника о том, что Лозан также пользуется доверием некоторых экстремистов как активный участник движения за коммунизм». В начале 1926 года Казимир Лозан продолжает добиваться пересмотра дела Савкова, в том числе и через адвоката, но все его просьбы натываются на отказ.⁹⁸

Итак, если бы не советский паспорт Савкова, который он гордо продемонстрировал Британскому генеральному консулу, он вполне мог бы проскочить в Австралию через рогатки австралийской бюрократии и его жизнь могла бы сложиться по-другому. Это особенно иронично поскольку Австралия в то время, как мы уже отмечали, все еще рассматривала паспорта как технические удостоверения личности на момент поездки, в которые могли проставляться визы, а не как свидетельства гражданства и политической позиции.

Тем не менее австралийские чиновники не всегда были столь подозрительны и бескомпромиссны, свидетельство чему случай с семьей Пилипенко. К сожалению, пока неизвестно, через кого они обратились за помощью. Возможно это было сделано через ту же семью Лозан. Обнаруженные документы в австралийском архиве свидетельствуют о том, что весной 1926 года письмо об их бедственном положении дошло до Гросвенора Франциса, члена парламента от Национальной партии северного Квинсленда. Он обратился к министру торговли и иммиграции, а тот передал его письмо министру внутренних дел Джорджу Пирсу. 11 июня 1926 года в ответном письме, которое сохранилось в архиве, Джордж Пирс сообщал о разрешении на въезд в Австралию всей семье без паспортов по выданным им год назад выездным карточкам и прибавлял: «С учётом обстоятельств, изложенных в вашем письме, этим лицам будет разрешён повторный въезд при условии надле-

жащего удостоверения личности без требования иметь при себе установленный денежный минимум при въезде». Добавим, что эта сумма была по тем временам немалой – 40 фунтов для каждого человека. Далее Пирс советовал Францису переслать это письмо Пилипенко, «чтобы способствовать их въезду в Австралию». Сам же Пирс направил информацию о семье Пилипенко в Налоговое управление в Брисбене, Таунсвилле и Кэрнсе на случай если семья Пилипенко высадится в одном из этих портов.⁹⁹

Официальная переписка по делу возвращения семьи Пилипенко (Национальный архив Австралии)

Семье Пилипенко так и не удалось добраться до Китая и воспользоваться этим разрешением на въезд в Австралию, как не удалось и Ивану Савкову получить такое разрешение. Отныне их судьба оказалась навсегда связанной с коммуной Ира.

Новые коммунары

В то время как наши герои пытались вырваться из Советского Союза, в Австралии продолжалось движение за возвращение на родину. Нам известны имена еще нескольких человек из северного Квинсленда, которые стремились попасть в Ирскую коммуну. В июле 1925 года Кондратий Рубан из Таунсвилла писал в Ирскую коммуну: «Я посылаю вам сто фунтов в Коммуну Ленина и [прошу] считать меня членом таковой. Прошу вас вышлите мне паспорт или вид на право въезда в Сов. Россию. В следующем мае месяце [1926 г.] я должен быть в Коммуне Ленина. Передайте почтение Ивану и Антону Савковым и Пилигую и другим товарищам австралийским и американским».¹⁰⁰ К сожалению, о Рубане очень мало информации. Кондратий Максимович Рубан родился около 1878 года. Место его рождения должно быть в регистрации иностранного подданного, но этот файл нам пока недоступен. Его жена Ирина, девичья фамилия Малышкина или Малешкина, родилась 5 мая 1878 г.; место ее рождения указано как Eshem, возможно это Ишим. В Австралии она использовала имя не Ирина, а Кеша. Кондратий прибыл в Квинсленд из Нагасаки на корабле "Явата Мару" в апреле 1911 года. Ирина, согласно ее регистрации, прибыла через год. В 1913 году у них родилась дочь Мария, в 1917 году – сын Вальтер. Жили они в центральном и северном Квинсленде. В 1920 году они попытались покинуть Австралию, но эта попытка сорвалась. В это время у них было двое детей. Об их отъезде из Австралии сведений найти не удалось, однако в документах коммуны есть сведения, что Кондратий «приехал в коммуну в 1926 году с женой Ириной

Ивановной и малолетними детьми из Австралии. Известно, что добирались через Владивосток и Шанхай».¹⁰¹

Рубан также писал в письме: «Еще едут со мною тов. Журко и Максимовна Чаплина (так! – Е.Г.). А тов. Перфильев едет с нами из Австралии в Коммуну Калифорния, он внес 100 фунтов». Павел Журко, белорус, родился в Минске в 1892 году, прибыл в Австралию в 1915 г. из Англии, и работал на фермах в Квинсленде. В Австралии его фамилия писалась как Zouko и затем Zoooko. Разрешение на выезд от австралийских властей он получил только в 1934 году и как сложилась его дальнейшая судьба неизвестно.¹⁰² О Чаплине в австралийских источниках никаких материалов найти не удалось.

В документах, связанных с коммуной Ира, упоминаются также Ксения Максимовна Щепалина из Австралии. Ее муж, Яков Щепалин, первый раз приехал в Австралию в 1910 году, затем в 1914 году. После этого из Австралии он не выезжал, в 1927 году он с женой натурализовался. Согласно заявлению на натурализацию, он родился в 1883 г. (по другим данным – в 1876 г.) в Нижнем Новгороде. Жил в центральном Квинсленде, а затем в Брисбене, на момент натурализации был почти слепым. Его жена Ксения тоже родилась в Нижнем Новгороде и натурализовалась вместе с ним в 1927 году. Яков умер в 1931 году. О Ксении в австралийских документах за последующие годы никакой информации нет. Можно предположить, что она уехала в СССР после смерти мужа, однако нельзя исключить, что она могла посетить коммуну и раньше, т. к. при натурализации ей, в отличие от Якова, не требовалось отвечать на вопрос выезжала ли она из Австралии.¹⁰³

Австралийское эхо в Ире

Между тем в коммуне таяли ряды наших австралийских коммунаров. Кроме выбывших из коммуны Анчишина и Кальсина, не задержались здесь и Антошин, Черкашин, Пильгуй, и австриец Сторнога. В феврале 1926 года вышла из коммуны и семья Крухмалевых, сославшись на плохое здоровье;

они переехали в Сталинград, где такому специалисту, как Федор Крухмалев, легко было найти работу на производстве. Из австралийских коммунаров на посту оставались только Федор Баскаков, Антон и Иван Савковы, а также многодетные семьи Красиковых и Пилипенко. Оставшиеся постепенно смогли вписаться в новую жизнь. К Баскакову и Савковым даже присоединились их родственники.

Несмотря на все трудности, Федор Митрофанович Баскаков нашел себя на новом месте. Сначала он работал в строительной бригаде, но с 1927 года его талант пропагандиста был востребован и он получил должность освобожденного секретаря партийной организации коммуны (его перевод из Компартии Австралии в ВКП(б) был официально утвержден еще в 1925 году.) На этом посту он занимался коллективизацией крестьян в окрестных деревнях, а с 1935 года занял ответственный пост заместителя председателя коммуны. Постепенно сложилась у него и личная жизнь: Федор женился на местной девушке Аграфене Васильевне Примеровой, и в 1931 году у них родился сын Гарибальди.

Трудились в коммуне и братья Савковы. Иван Андреевич Савков, после всех своих приключений в Китае, вернулся в коммуну. Его брат Антон Андреевич, согласно посемейному списку, был женат на Ефросинье Федоровне и имел детей Марию, Елену, Антона и Ивана, родившихся в 1906–1914 годах.¹⁰⁴ В Австралии он жил без семьи и можно предположить, что его жена оставалась в России, однако сведения о его семье подтвердить не удалось. В семье Пилипенко, которая так и не смогла вернуться в Австралию, Евстафий Максимович работал на свиноферме, а его жена Мария Матвеевна – поваром. После возвращения в Россию у них родились сыновья Лев и Виктор. Семью Красиковых вскоре после прибытия постигло большое несчастье – на лесопилке погиб Григорий Михайлович Красилов, который работал столяром. После смерти мужа Елизавета Ивановна трудилась на разных работах и коммуна, с ее системной общественной заботы о детях, стала для ее осиротевших детей спасением.

Младшие дети Красиковых справа налево – Надя, Коля, Вера, Валя, 1930 год (архив семьи Красиковых)

Память об их долгих годах, проведенных в Австралии, все больше уходила в прошлое. О нем напоминали лишь австралийские фотографии, сохранившиеся в семьях, да редкие письма Нины, старшей дочери Красиковых, оставшейся в Австралии.

Жизнь Нины, ставшей в Австралии Леной, складывалась тоже непросто. Вскоре после замужества она рассталась со своим русским мужем, Василием Тишкиным, и осталась одна с двумя дочерьми, Ольгой и Леной (Нелли), на руках. Василий ей не помогал, но и не давал развод. Выйти замуж за своего нового избранника, австралийца Джорджа Адамса, Лена смогла только в 1947 году, после смерти Василия. У них родилась дочь Нина. Связи между семьями прервались, и пока потомков Лены в Австралии найти не удалось, однако по австралийским документам можно установить, что жизнь всех дочерей Нины в Австралии сложилась благополучно.

*Лена Тишкина с дочерьми Леной (Нелли) и Олей (справа),
1931 год (архив семьи Красиковых)*

Неожиданно австралийское прошлое Пилипенко оказалось востребованным во время визита в коммуны английского писателя Бернарда Шоу и сопровождавшей его леди Астор в 1931 году. Астор, не доверявшая советской пропаганде, во время визита в коммуны пыталась поговорить напрямую с людьми. Одной из ее собеседниц стала Мария Пилипенко, разговор с которой был описан писателем и публицистом Владимиром Киршоном и опубликован в «Правде» в его очерке «Неудачи леди Астор». Приведем этот разговор полностью по этой публикации:

«В большой хлебопекарне коммуны леди столкнулась с работницей Пилипенко, долго прожившей в Австралии. Не-

сколько наводящих вопросов, и леди вновь подходит к интересующей ее теме.

Леди: Ну что ж, плохо вам тут после Австралии?

Пилиппенко. Мне здесь гораздо лучше.

Леди: Но почему же?

Пилиппенко: Я чувствую себя здесь гораздо свободней. У меня всегда есть работа и мой труд ценят. У меня трое детей, которые все учатся за счет государства и каждый на какую-то специальность. У меня бы никогда не хватило на это средств в Австралии.

Леди: Но ведь вы живете в худших условиях?

Пилиппенко: Нет, мне здесь лучше.

Леди: Была ли у вас в Австралии отдельная комната?

Пилиппенко: Да.

Леди: А здесь?

Пилиппенко: Здесь в одной комнате со мной живет 5 человек.

Леди: Боже! и вы все же считаете, что что здесь лучше?

Пилиппенко: Безусловно.

Однако леди никак не могла успокоиться. Она в волнении обратилась к подошедшему Шоу и рассказала о Пилиппенко, живущей с 5 людьми в одной комнате. "Смотря какая комната", – заметил Шоу. Комнату мы посмотрели. Когда Шоу вошел в эту большую многооконную комнату, он сказал, обращаясь к леди: "В Англии в такой комнате живет 15 человек рабочих"».

Конечно, в том же ключе отвечали леди Астор и другие ее собеседники-реэмигранты.¹⁰⁵ Сама леди Астор и Бернард Шоу о встрече с Пилиппенко не писали, и мы можем лишь догадываться насколько они поверили услышанному. А запись Киршона, как кажется, невольно передала обреченность Марии Пилиппенко, которая еще шесть лет назад пыталась вернуться с семьей в Австралию, и ее последующее решение пожертвовать собой хотя бы ради образования ее детей. Очерк Киршона был переведен и на английский, и на итальянский.

Были отзвуки австралийского прошлого и в семье Крукмалевых, поселившихся в Сталинграде. В 1927 году газета «Красный спорт», отмечала среди успехов в плавании в «провинции» результаты Крукмалева из Нижнего Поволжья, который, «хорошо идя 100 м вольным стилем (1:17,6), имеет все шансы при правильной тренировке показывать на спине рекордные результаты». Вполне вероятно, что это был Александр Крукмалев, который наконец-то смог применить свои австралийские навыки на Волге. Ведь еще в 1923 году о нем писал австралийский специалист по плаванию: «Юный Крукмалофф, ваш 14-летний мальчик, – отличная находка для местного клуба. Трудно поверить, что он начал плавать всего несколько месяцев назад. С его природным стилем и замечательной силой рук, невозможно предсказать, каких высот он добьется в мире плавания».¹⁰⁶

Голос самого Александра Крукмалева удалось услышать с страниц австралийской газеты «Уоркер» 1930 года:

«Зов из России

Д. Т. Диллон из Кэрнса пишет, что получил письмо от молодого друга из России по имени Алек Крукмалофф, который просит прислать ему из Австралии какую-нибудь литературу. Крукмалофф, которому 22 года, пользовался большой популярностью среди школьных товарищей и, по словам Диллона, был лучшим спортсменом в школе. Ожидая завершения паспортных формальностей перед отплытием в Россию, Крукмалофф завоевал звание обладателя лучшего телосложения в Сент-Мартинс. Его письмо гласит:

"Я являюсь членом одной из многих семей, которые покинули Австралию и переехали в Советскую Россию в последние несколько лет, после того как я провёл значительную часть своей жизни в Австралии.

Прибыв на свою родину, я путешествовал по ней и получил множество впечатлений о её народе, обычаях и жизни новой, только что рождённой России. В настоящее время я работаю на строительстве одного из крупнейших объектов инду-

стриального плана – гигантского тракторного завода мощностью 40 000 “стальных коней” в год.

Прожив несколько лет вдали от Австралии, вне англоязычной среды и лишившись своих сокровищ английской литературы, я рискую утратить приобретённые мной знания английского языка.

Пишу это письмо в надежде вновь напомнить о себе старым друзьям и приветствовать тех, кто пожелает стать моим другом, прислав какую-нибудь газету, журнал или книгу, что доставит мне огромную радость и заставит меня сохранить в сердце тёплое чувство к щедрым людям Австралии.

Надеюсь, мой призыв найдёт живой отклик, и в ответ я буду только рад просветить любого, кто пожелает узнать о жизни в России сегодня.

Заранее благодарю.

Искренне ваш,

Алек Крукмалофф.

Адрес: Сталинград на Волге, ул. Воровского, СССР, Россия”». ¹⁰⁷

Письмо, как кажется, было написано под влиянием теплых воспоминаний Александра о своей юности в Австралии и желания сохранить английский язык. В то же время в нем чувствуется его искренняя гордость за новую Советскую Россию и отсутствие прямолинейного пропагандистского запала. Но возможно была и другая причина – ведь именно в том же 1930 году Александр стал сотрудником ОГПУ.¹⁰⁸ По всей видимости ОГПУ нуждалось в его знании английского языка, поскольку в это время на Сталинградский тракторный завод хлынул поток американских специалистов и рабочих, за которыми «органы» должны были неустанно следить. В австралийских архивах сохранилась документы о семье Заборовских, которые, как и Крукмалевы, вернулись в Советский Союз. Сыновья Заборовских, ровесники Александра, в письмах сестре, оставшейся в Австралии, рассказывали о непростой истории их адаптации к советской жизни и попытках вернуться в Австралию. Двое из них, Джек и Роберт Заборовские, также ра-

ботали переводчиками на Сталинградском тракторном заводе и Роберта, вполне вероятно, пыталось залучить в свои сети ОГПУ.¹⁰⁹

Федор Крухмалев, отец Александра, с 1926 по 1930 год работал на Сталинградском тракторном заводе, участвуя в его строительстве и запуске. Затем он с семьей переехал в Москву, где увлеченно трудился на Московском авиастроительном заводе № 22 и в 1933 году был награжден Орденом Ленина.¹¹⁰ Александр остался в Сталинграде, женился и в 1931 году вся семья сделала общую фотографию с его маленьким сыном Георгием. Федор на этой фотографии все в том же пиджаке и галстуке, что и в 1924 году, когда они, полные надежд, сфотографировались на пристани перед отбытием на «Йошино Мару»...

Семья Крухмалевых в 1931 году: задний ряд слева направо – Александр и его сестры Лидия и Вера; передний ряд – жена Александра, Елена Гавриловна с внуком, младшая дочь Эля и Федор Иванович (архив Ильи Шевелева)

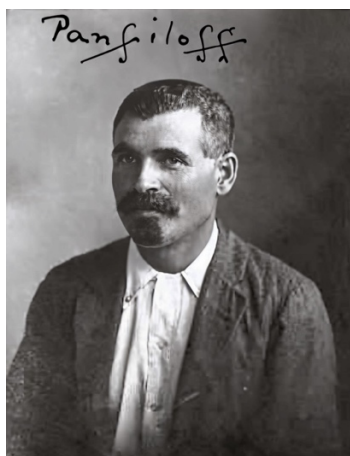
Эхо Ирской коммуны в Австралии

В Австралии эхо Ирской коммуны отзывалось еще долгие годы. Когда в январе 1926 года Казимир Лозан подал заявление на натурализацию, на нем была сделана пометка: «Лозан связан с коммунистами и экстремистами; полученная информация указывает на то, что он сам является коммунистом и сочувствует коммунистическим целям», которая сопровождалась ссылкой на досье Савкова с меморандумом майора Джонса. Как видим обтекаемые формулировки Джонса были дополнены возникшим из воздуха членством в Компартии и никак не документированными связями с экстремистами. Сам Лозан получил отказ без объяснения причин. Когда же по его просьбе в министерство за объяснениями обратились высокопоставленные лица, им «конфиденциально» ответили, что «репутация этого человека отнюдь не удовлетворительная». В 1938 году, когда Казимир снова подал документы на натурализацию, МВД запросило службы безопасности, поддерживает ли он все еще коммунистическое движение. Инспектор Бюро расследований сообщил, что на интервью в июле 1938 года было очевидно, что Лозан тяжело болен и его главная причина для натурализации – получение инвалидной пенсии. «У него нет связей с коммунистическим движением в настоящее время», писал инспектор. Эта фраза решила все. В конце 1938 года Казимир и его жена наконец-то были натурализованы.¹¹¹ Они умерли в 1940 году, заплатив дорогую цену за «холидей» Мальвины в Ирской коммуне.

Австралийские службы безопасности еще в середине 1920-х годов приняли негласное решение не натурализовать членов, даже бывших, Общества технической помощи Советской России.¹¹² Это не позволяло иммигрантам приобретать собственность, ограничивало их права на работу, и даже, как в случае с Лозаном, лишало права на социальную пенсию.

Михаил Трифионович Панфилов, секретарь Кэрнской группы, которому не удалось выехать ни с первой, ни со второй группой коммунаров, и не пытался натурализоваться. Все

его помыслы были связаны с Советской Россией. Он был крестьянином деревни Старые Новинки Калужской губернии, родился в 1878 году, поехал на заработки в Иркутск, где, согласно его австралийским документам, у него были жена и дети. В 1913 году он уехал на заработки в Австралию, жил в Кэрнсе, работая плотником и разнорабочим. После революции он активно участвовал в помощи Советскому Союзу и добивался разрешения вернуться на родину. В 1925 году, при оформлении документов на отъезд со второй группой коммунаров, у него даже был советский паспорт, выданный в Лондоне. В феврале 1929 года Панфилов запросил разрешение на поездку в Россию на полгода. Вероятно, он знал о попытках своих товарищей вернуться в Австралию и проявил осторожность. Однако майор Джонс из секретной службы сообщил, что Панфилов все еще является «ярым коммунистом и революционером» и обратно в Австралию его ни в коем случае нельзя впускать. Панфилов знал об этом решении, но он тем не менее отправился в СССР, покинув Австралию на корабле «Неллор» в марте 1930 года. Других русских среди пассажиров не значилось, так что Панфилов ехал сам по себе, не в группе новых коммунаров и в коммуну Ира не вступил.¹¹³

Михаил Панфилов, фото из выездного досье (Национальный архив Австралии)

В 1930-е годы в австралийских газетах изредка появлялись сведения о жизни Ирской коммуны, правда уже не непосредственно от Баскакова и Крухмалева. Так, в 1933 году в квинслендском популярном еженедельнике появились комментарии по поводу книги Бернарда Шоу «Решающий год России» с рассказом о его визите в «коммуну Ленина», но без всякого упоминания о разговорах с австралийскими реэмигрантами.¹¹⁴

В 1932 году в сиднейской газете «Методист» были опубликованы детальные выдержки из книги Шервуда Эдди «Вызов России» о его визите в коммуну. Эдди, миссионер-интеллектуал, ставший на позиции христианского социализма, наряду с экономическими достижениями, – «У этой коммуны есть собственные сады, молочное хозяйство, сыроварня, мельница, литейная мастерская, лесопилка и общая столовая, где они питаются за общим столом», – особое внимание уделял социально-культурным аспектам. Так, он отмечал, что дети находятся на полном обеспечении коммуны с яслей до университета. «Родители и дети бывают в своих домах лишь по ночам. Дом сохраняется, однако часть его функций выполняется школой, а другие – общиной. Центр тяжести сместился от отдельного человека и обособленного домашнего хозяйства к коллективу. В игре и труде сотрудничество становится привычкой жизни. Это новый образ жизни. С рождения и до смерти всё их воспитание направлено не на то, чтобы преуспеть в борьбе за личное накопление и владение, а на благо всей общины. Общественное приобретение приходит на смену индивидуальному накопительству». Наряду с культурными аспектами, – «Их культурная жизнь сосредоточена в большом клубном доме с электрическим оборудованием, радиоустановкой, еженедельными киносеансами, театральными постановками, а также возможностями для отдыха и образования... В читальне имеется сто тридцать пять газет и журналов», – Эдди отмечал и такой важный принцип, как равноправие полов: «Кандидаты не выдвигаются ни на какую службу или должность, если она не открыта в равной мере для представителей обоих полов.

Предложение какой-либо монополии или привилегии "только для мужчин" почти наверняка вызвало бы новую революцию». ¹¹⁵

Аргументы Эдди, как кажется, звучали гораздо более убедительно, чем пропагандистский репортаж Киршона, и Эрнест Коллокот, австралийский методист и этнолог, взглянул под этим углом на австралийские проблемы: «Читая о простой, здоровой, устремлённой в будущее и деятельной жизни в коммунах России (или Палестины), невольно вспоминаешь наши собственные неуклюжие и безуспешные попытки справиться с безработицей, наше почти полное бессилие перед проблемой нестабильности занятости. Мы читаем о гигантских коллективных хозяйствах – и вспоминаем районы Австралии, где люди борются с почти непреодолимо тяжёлыми условиями, и где лишь крупномасштабное хозяйствование сулит надёжность и успех. Там ощущается более здоровый и цельный характер общественной жизни, отсутствующий во многом в нашей собственной морали. И мы можем сказать, что этим людям есть чему нас научить. Возможно, именно им суждено внести наиболее существенный вклад в исцеление некоторых наших извечных ран. Что же касается «угрозы» коммунизма, разве не может австралиец сказать, как однажды сказал американец о своей стране, что эта угроза примерно так же реальна, как опасность солнечного удара в Гренландии или озноба от холода в Сахаре?». ¹¹⁶

Годы репрессий

Однако угроза «коммунизма» была, к сожалению, вполне реальной, и еще раз австралийское прошлое больно ударило по героям нашего исследования в годы сталинских репрессий, когда сам факт пребывания за границей уже был достаточен для ареста человека. Федор Митрофанович Баскаков так описывал события этих страшных дней, когда он работал заместителем председателя коммуны: «В 1937 году и в начале 1938 года арестовываются органами ГПУ секретарь

парторганизации Табала П.Г. и председатель Богданов К.Г., несколько месяцев я в руководстве был один, потом арестовывают и меня как последыша врагов народа и приписывают присвоение колхозу гарнцевый сбор [т.е. сбор за помол], который получался от переработки хлеба для коммунаров и концентратов для скота. Мне областной судья Макаров и прокурор Шаповаленко приписывают статью от 7 августа 1932 года и дают 10 лет с лишением свободы на 5 лет. Нас судили троих – [меня], председателя ревкомиссии и бухгалтера. В материалах суда не было сказано, чтобы из нас троих подсудимых кто-либо взял хотя бы один килограмм чего-либо общественного для личной наживы. Все трое мы реэмигранты. Когда Верховный суд рассмотрел наше дело, [то] отменил решение областного суда и нас освободили».¹¹⁷

Статья от 7 августа, по которой судили Баскакова и двух его «подельников» – П.Ф. Кульгавчука и М.А. Чернецкого – была известна в народе как «закон о трех колосках», она приравнивала хищение социалистической собственности к государственным преступлениям и предусматривала суровые наказания, вплоть до расстрела. По этой статье Баскаков получил 10 лет лишения свободы и 5 лет поражения в избирательных правах. Формально это была экономическая, а не политическая статья, и поскольку Баскакова арестовали 28 апреля 1938 года, позже Богданова, Табала и ряда других коммунаров, получивших «расстрельные» приговоры, ему, можно сказать, повезло. В результате некоторого ослабления репрессий, начавшегося в конце 1938 года, после отстранения Ежова, первоначальный приговор был отменен Судебной коллегией Верховного суда, с направлением дела на новое судебное рассмотрение. Новое решение Тамбовского областного суда в ноябре 1939 года осудило Баскакова на год исправительно-трудовых работ. Всех этих деталей Баскаков не знал. Когда в феврале 1939 года пришло первое решение, он содержался в сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии Тамбовской области и получил «Удостоверение», в котором говорилось, что он «освобожден от дальнейшего отбывания лишения

свободы».¹¹⁸ Это позволило Баскакову вернуться в свою осиротевшую коммуну и снова взяться за работу. Очевидно, больше органы его не трогали.

Баскаков, конечно, понимал, что его, как и других членов коммуны, осудили не за мифические «колоски», а по политическим мотивам, а вернее просто за то, что они некогда жили за границей. В 1967 году, обращаясь в Верховный суд РСФСР он писал: «С конца 1937 года и дальше в коммуне начались аресты. Был арестован секретарь ячейки ВКП(б) Табала П.Г., председатель коммуны Богданов К.Г., следом за председателем был арестован и я. Более 20 человек было арестовано реэмигрантов из Америки и Австралии. В июне месяце 1938 года я был осужден на 10 лет лишения свободы и 5 лет избирательных прав. Когда меня судили, то все время упоминались и враги народа секретарь ячейки ВКП(б) Табала, председатель коммуны Богданов, ну и я как заместитель председателя Богданова тоже считался врагом народа.

До разоблачения культа личности Сталина нас всех реэмигрантов считали врагами народа. Спасибо, что разоблачен культ личности, после такого удара, после тяжелых переживаний почувствовали большое облегчение. наших жен и детей считали тоже врагами народа, хотели выгнать из коммуны.

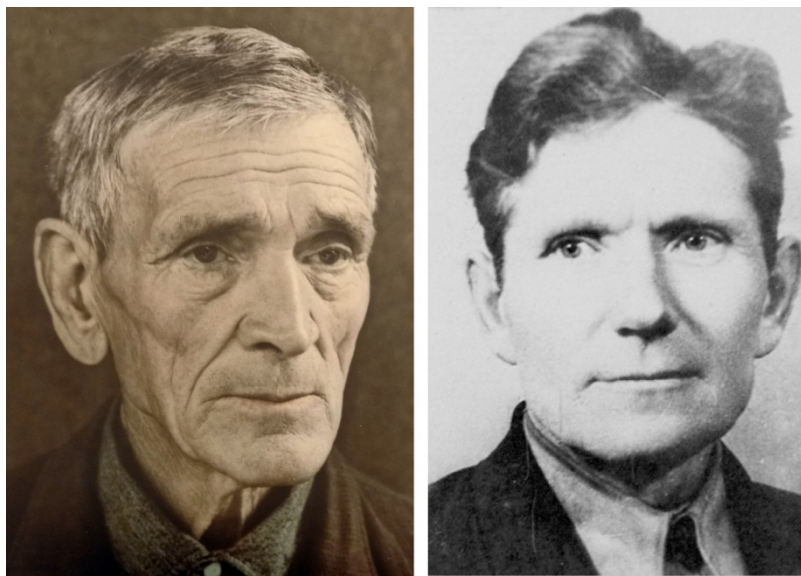
Когда был разоблачен культ личности, жены и дети стали писать о своих мужьях и отцах, где они есть, и получали горестные ответы, их уже нет в живых, вернулись только нас двое. Реабилитированы секретарь ячейки ВКП(б) Табала, председатель коммуны Богданов и другие посмертно».¹¹⁹

На запрос в Верховный суд о своей реабилитации Баскаков в 1967 году получил казенный ответ: «Пересмотреть уголовное дело, по которому Вы были осуждены в 1938 году, не представляется возможным, в связи с тем, что дело не сохранилось». Ответ Баскакова, написанный за два года до смерти, говорит о пропасти, которая была между такими подвижниками идеи как он сам и советской номенклатурой: «В Вашем письме сообщили мне, что дело не сохранилось. О живом человеке всегда можно проверить о его деятельности и его за-

слугах. Прошу теперь одно – вернуть мне акт на обыск и арест, который я прилагал при моем заявлении на реабилитацию».¹²⁰

В 2007 году, когда в прокуратуру Тамбовской области обратилась с запросом о реабилитации жена Гарibaldi, сына Федора Митрофановича, ей дали детальный ответ по его делу (значит какие-то материалы сохранились), но суть ответа сводилась к следующему: поскольку его судили по статье за «хищения», что «не относится к мерам политической репрессии, поэтому осужденные за такие преступления не подлежат реабилитации по Закону "О реабилитации жертв политических репрессий"».¹²¹ Закон ради закона был соблюден, а «живой человек» в него не вписывался...

Но, как мы уже сказали, Баскакову действительно повезло, что его «судили» по экономической статье, и он накануне войны просто провалился через колесики системы и смог, хоть и с горечью в сердце, прожить достойную жизнь на свободе в согласии со своими убеждениями.

Иван Савков (слева) и Федор Баскаков после всех испытаний
(Краеведческий музей Кирсановского округа)

В период репрессий пострадал и друг Баскакова Иван Андреевич Савков. В «Книге памяти Тамбовской области» о нем такие данные: «огородник, беспартийный. Репрессирован 23 февраля 1938 года Особым Совещанием при НКВД СССР. Осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей». В материалах по истории коммуны, собранных работниками народного музея, Савков значится в списке репрессированных под номером 21 с пометкой «был отпущен». Известно, что после лагеря он вернулся в коммуну, женился на Марии Константиновне Задирако, вдове Романа Евтихиевича Задирако, погибшего на войне.

Под каток репрессий попали и другие герои нашего исследования. Михаил Трофимович Панфилов, секретарь Кэрнской организации, был арестован в 1937 году в Ярцево под Смоленском, где он работал столяром. Он был осужден по статье 58-10 Особым Совещанием при НКВД СССР на 8 лет исправительно-трудовых лагерей. В 1938 году 10 лет лагерей получил Александр Спиридонович Кочетыгов, один из лидеров Ипсвичской группы, с которым переписывался Савков. В том же году был расстрелян в Коммунарке Александр Михайлович Зузенко, который когда-то пытался помочь Ивану Савкову и его товарищам вернуться на Родину.

А дальше была война и, несмотря на все творившиеся вокруг несправедливости, дети коммунаров из семей Пилипенко, Красиковых, Савковых и Крухмалевых вступили в армию и сражались на фронтах Великой Отечественной войны. Александр Крухмалев, служивший переводчиком в частях НКВД, погиб в Сталинградской битве и похоронен на Мамаевом кургане.

Эпилог

В начале 1953 года, когда сталинский режим вступал в полосу своей предсмертной агонии, Баскаков, исключенный из партии в 1930-е годы, но все еще считающий себя большевиком, пишет письмо Лансу Шарки, генеральному секретарю

Коммунистической партии Австралии, об успехах их колхоза, в который к тому времени была преобразована Коммуна Ленина. Шарки напечатал письмо в газете Компартии Австралии «Трибьюн».

«Наш колхоз – миллионер

Дорогой товарищ Шарки!

Я, Фёдор Митрофанович Башкаков, ныне член колхоза имени Ленина Кирсановского района Тамбовской области, жил в вашей стране с 1914 по 1924 год. Я работал в Северном Квинсленде (в Кэрнсе, Иннисфейле, Моссмани, Чиллаго и других местах). Мы с товарищами были заняты главным образом на таких работах, как рубка сахарного тростника; кроме того, я работал на железной дороге и на металлургическом заводе в Чиллаго. Когда я прочитал в «Правде» ваше приветствие XIX съезду Коммунистической партии Советского Союза, я решил написать вам короткое письмо.

В нашем колхозе имени Ленина есть несколько семей, побывавших в Австралии. Это Красиковы, Пилипенко, Савковы и другие. Всего в колхозе 635 семей (более 2000 человек).

Мы все живём зажиточно, в достатке. Наш колхоз – миллионер. Продажа зерна и продукции животноводства приносит нашему колхозу ежегодный доход в два с половиной – три миллиона рублей. Когда колхоз только организовался, его неделимый фонд составлял 83 000 рублей. Теперь у нас 5300 гектаров земли и сад площадью 70 гектаров, который мы рассчитываем расширить до 100 гектаров в 1955 году.

У нас также много скота: 650 голов молочного крупного рогатого скота, 880 свиней, около 1000 овец, 360 лошадей и много птицы.

В колхозе есть лесопилка со столярной мастерской; имеется собственная ремонтная мастерская, и все процессы механизированы – работы выполняются с помощью электромоторов. Мы построили свою мельницу, маслодельню, просорушку, сыроваренный завод, а также девять двухэтажных домов по 25–30 квартир в каждом. Многие колхозники построили для себя частные дома.

В нашем колхозе есть хорошая электростанция, поэтому у всех в домах есть электрическое освещение и радио. У нас есть клуб на 400 мест и звуковой кинотеатр. Мы смотрим кино 3–4 раза в неделю и часто посещаем лекции в клубе по различным политическим и экономическим вопросам. Наша библиотека насчитывает 5000 книг, имеет читальный зал и специальный зал для детей.

Все наши колхозники живут счастливо и зажиточно. В домах есть электричество, радио, у многих есть велосипеды и даже собственные автомобили. Мебель в наших домах не хуже, чем в городах. За работу в колхозе мы, помимо денежной оплаты, получаем много зерна, овощей, фруктов, мяса, молока и мёда.

Все поля мы обрабатываем тракторами, предоставляемыми машинно-тракторной станцией, и собираем по 100–120 пудов зерна с гектара, тогда как до революции местные крестьяне получали не более 50–60 пудов. В колхозе имеется 12 грузовых автомобилей. В 1953 году наш колхоз планирует орошать 800 гектаров пашни и сада.

Всё это достигнуто благодаря нашей Коммунистической партии и советскому правительству. Они делают всё для обеспечения людей, для того чтобы сделать нашу жизнь зажиточной и культурной.

Под руководством Коммунистической партии, товарища Сталина, Советского правительства мы построили социализм; директивы XIX съезда нашей партии указывают нам путь к построению коммунизма в нашей стране.

Нам нужен мир, и все наши колхозники трудятся ради мира, ради укрепления нашей социалистической Родины, ради построения коммунизма. Мы знаем, что люди доброй воли в капиталистических странах борются за мир вместе с нами. И мы будем продолжать нашу работу и борьбу за то, чтобы мир победил войну.

Товарищ Шарки, передайте нашим классовым братьям в Австралии, что мы здесь хотим мира, а не войны, что мы строим лучшее будущее для себя и для народа. Под руковод-

ством Коммунистической партии мы построили социализм и под руководством товарища Сталина построим коммунизм.

Желаем вам, товарищ Шарки, и всем людям доброй воли в Австралии успехов в борьбе за мир, демократию и социализм.

С сердечным приветом и наилучшими пожеланиями здоровья и успехов в работе.

В. Башкаков». ¹²²

Похоже, что конец письма с дежурными фразами из газетной передовицы Баскакову дописали незримые лица, ведающие контактами с иностранцами. Статья была опубликована за неделю до смерти Сталина, и отныне нашим коммунарам вместе со всей страной предстоял долгий нелегкий путь к осознанию того, что все достигнутое было сделано отнюдь не партией и правительством, а ими самими.

Путь этот растянулся на несколько поколений. Дети, а ныне внуки и правнуки коммунаров, работающие в разных сферах деятельности, осуществили то, о чем наши герои, едва услышав о лозунгах Октябрьской революции, когда-то мечтали на полях сахарного тростника и в шахтах Австралии. И произошло это вследствие не столько социализма, сколько глобального хода истории. И все же хочется думать, что была в этом и доля таких искренних идеалистов, ставших заложниками советской системы власти, как Федор Баскаков и его товарищи.

Примечания

- 1 <http://optimist1c.fatal.ru/rodoslov.htm> [обращение 2006 г.]
- 2 Инициативная группа «Ирская коммуна» <https://kommuna-ira.ru/ru/glavnaja/>; Ирская коммуна – Инициативная группа https://vk.com/irskaya_communa/; С. Ленинское <https://sleninskoe.ru/irskaya-kommuna/>; Архив Ирской Коммуны – Telegram-канал.
- 3 Федор Баскаков. Моя автобиография. 1959 // Документы из семейного архива Баскаковых на сайте <https://sleninskoe.ru/vydayushchiesya-lyudi-sela-leninskoe/83-zemlyaki/144-baskakov-fedor-mitrofanovich> [обращение 2026] (Далее – Семейный архив Баскаковых).
- 4 Радистка Анна. 96-летняя ветеран о жизни в Австралии и тамбовской коммуне // АиФ Курск, 10/05/2017. https://chr.aif.ru/kursk/people/radistka_anna_96-letnyaya_veteran_o_zhizni_v_avstralii_i_tambovskoy_kommune [обращение 2026]
- 5 Русский инвалид, 1905, Приложение к № 211.
- 6 Архив Ирской коммуны – Telegram-канал.
- 7 Архив Ирской коммуны – Telegram-канал, Семейный архив Баскаковых; Радистка Анна
- 8 Федор Крухмалев. Автобиография // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. А539, оп. 1, д. 7019.
- 9 Федор Баскаков. Моя автобиография.
- 10 National Archives of Australia (далее – NAA), BP313/1, Krasikov G.
- 11 Блинов Н. Моя жизнь в Австралии. – М.: Профиздат, 1933. – С. 10; Союз Российских рабочих в Австралии // Коммунистический интернационал. – 1920. – № 11. – С. 1845. – Подпись: Р.
- 12 Российская консульская служба в Австралии, 1857–1917 гг. (сборник документов) / Сост. А.Я. Массов и М. Поллард. – М.: Международные отношения, 2014. – С. 298.
- 13 Корреспонденция. Керенс // Известия Союза русских эмигрантов. – 4 февраля 1915. – С. 3.
- 14 Российская консульская служба в Австралии. – С. 293.
- 15 Крухмалев. Автобиография.
- 16 NAA, BP313/1, Anchishin.
- 17 Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАТО), Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 263.
- 18 New South Wales Police Gazette. – 26 июня 1918. – С. 294; Peter and Paul charged with conspiracy // Sun, Sydney. – 18 июня 1918. – С. 5.

- 19 Крухмалев. Автобиография.
- 20 Баскаков. Моя автобиография
- 21 Ко всем товарищам российским рабочим в Австралии: «Конференция Единения», Государственный центральный музей современной истории России,
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=31260945>
- 22 Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 495. – Оп. 95. Русские политические партии в Австралии. – Д. 9. – Л. 112, 122-126.
- 23 А. Гохшанд – Ипсвичской Коммунистической партийной организации, 18.02.1921 // РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 95. – Д. 9. – Л. 61-62.
- 24 C.W. Baker, Russian Famine Relief Fund // Communist, Sydney. – 18.11.1921. – С. 2.
- 25 Russian Relief Famine Fund // Communist. – 20.01.1922. – С. 8.
- 26 The Famine Fund // Communist. – 4.03.1922. – С. 8.
- 27 Крухмалев. Автобиография.
- 28 [J.] Savkoff to A. Zuzenko, [July 1922], NAA, A1, 1924/30649 (обратный перевод с письма Савкова сохранившегося только в английском переводе); Cairns Branch of Technical Aid to Soviet Russia // Communist. – 6.10.1922. – С. 4.
- 29 Notice // Communist. – 8.12.1922. – С. 4.
- 30 Departure of Russians // Brisbane courier. – 20.03.1920. – С. 4; «We are stranded». Complaint by Russians // Brisbane courier. – 9.04.1920. – С. 7; Secreted gold // The Daily mail. – 14.04.1920. – С. 4; Position of Russians. An Association protest // The Daily standard. – 21.04.1920. – С. 4; NAA, J2773, 541/1920.
- 31 И. Савов. Первая с.-х. группа из Австралии выехала в СССР // Новый мир, Нью-Йорк. – 13 августа 1924. – С. 3; Крухмалев. Автобиография.
- 32 NAA, A1, 1924/30649. Историю Зузенко см. K. Windle, Undesirable: Captain Zuzenko and the Workers of Australia and the World. – Melbourne: Australian Scholarly Publishing, 2012.
- 33 РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 95. – Д. 7. – Л. 31; Д. 9. – Л. 132, 149; Д. 8. – Л. 136.
- 34 Agricultural group for Soviet Russia // Communist. – 23.03.1923. – С. 6.
- 35 Савов. Первая с.-х. группа из Австралии выехала в СССР.
- 36 Бузмаков Василий Евдокимович, Российский государственный архив экономики. – Ф. 5711. – Оп. 2. – Д. 98.
- 37 ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 262, 263.
- 38 Из Австралии в Россию // Гудок. – 2 ноября 1923. – С. 2.

- 39 Из Австралии в Россию // Накануне, Берлин. – 18 января 1924. – С. 4.
- 40 Савов. Первая с.-х. группа из Австралии выехала в СССР; F. Baskakoff, F. Krukhmaloff, Members of Agricultural group in Cairns // Workers' Weekly. – 30.05.1924. – С. 2.
- 41 Ныне это Краеведческий музей Кирсановского округа в селе Ленинское.
- 42 NAA, BP4/3, RUSSIAN BASKAKOFF F.; A6286, 1/123, Censor reports, Q.F. 3765; Документы на сайте <https://sleninskoe.ru/vydayushchiesya-lyudi-sela-leninskoe/83-zemlyaki/144-baskakov-fedor-mitrofanovich>
- 43 Метрические книги Иркутска на <https://ya.ru/archive> и метрические записи Квинсленда на <https://www.familyhistory.bdm.qld.gov.au/> [обращение 2026].
- 44 Mareeba show // Cairns post. – 3.06.1922. – С. 5; Auction sale // Cairns post. – 13.05.1924. – С. 2; A call from Russia // Worker, Brisbane. – 2.07.1930. – С. 16.
- 45 Крукмалев. Автобиография; NAA, A6286, 1/130, Q.F. 4044; РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 98. – Д. 59. Крукмалев (Крукмалов) Федор Иванович.
- 46 Police Gazette, Queensland. – 1918. – С. 625.
- 47 NAA, BP313/1, Anchishin F.; MP367/1 502/2/91; BP4/3, RUSSIAN ANCHISHIN F.; Посемейный список членов 1-ой сельскохозяйственной коммуны из Америки им. В.И. Ленина на 1-е января 1925 г. // Краеведческий музей Кирсановского округа. <https://kommuna-ira.ru/ru/istoria/spiski/posemejnyj-spisok-pervyx-kommunarov/>
- 48 NAA, BP4/3, RUSSIAN SHERKASHEN A; The Northern Herald. – 10.11.1920. – С. 24.
- 49 NAA, BP4/3, RUSSIAN KALSSIN S.; MT269/1, NT/RUSSIA/KOLSSIN SYNDITYS; A6286, 1/118, Q.F. 3550; A6286, 1/138, Q.F. 4283; Посемейный список членов 1-ой сельскохозяйственной коммуны ... 1925 г.
- 50 Баскаков Ф.М. О себе // Краеведческий музей Кирсановского округа.
- 51 NAA, A1, 1929/2376, Michael Panfiloff – Permit for Leave.
- 52 Baskakoff, Krukhmaloff, Members of Agricultural group in Cairns.
- 53 Савов. Первая с.-х. группа из Австралии выехала в СССР. Через неделю статья была перепечатана в другой американской газете: И. Савов. Из Австралии в СССР // Русская жизнь, Сан-Франциско. – 22 августа 1924. – С. 4.
- 54 Письмо австралийских коммунаров в постоянную комиссию СТО по иммиграции // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). – Ф. П-931. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 621.

- 55 [F. Baskakov], From a Russian Commune. Experiences of Australian settlers // Workers' Weekly. – 3.04.1925. – С. 3; Прибытие во Владивосток американских и австралийских групп // Правда. – 8 июля 1924. – С. 7.
- 56 [F. Baskakov], From a Russian Commune; F. Baskakov, Life in Soviet Russia: From a Russian Commune. Experience of Australian settlers // Workers' Weekly. – 10.04.1925. – С. 3; Приезд реэмигрантов из Австралии // Правда. – 19 июля 1924. – С. 5; То же // Известия. – 19 июля 1924. – С. 5.
- 57 Письмо австралийских коммунаров в постоянную комиссию СТО по иммиграции.
- 58 Савов. Первая с.-х. группа из Австралии выехала в СССР; Баскаков. О себе.
- 59 Баскаков. О себе.
- 60 Стенгазета коммуны «Красная Нива» // ГАСПИТО, <https://gaspito.ru/materials/exposition/vistavka-russia-udivitel'naya-strana/> (раздел 2, скан 16).
- 61 РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 98. – Л. 59.
- 62 ГАСПИТО. – Ф. П-931. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 122, <https://gaspito.ru/materials/exposition/vistavka-russia-udivitel'naya-strana/> (раздел 2, скан 19).
- 63 ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 291.
- 64 История колхоза им. Ленина // Краеведческий музей Кирсановского округа. – Л. 34, 47; Baskakov, Life in Soviet Russia.
- 65 F. Baskakov, Build up the Workers' State: To the Russian workers in Australia. An appeal from the First Australian Agricultural group // Workers' Weekly. – 3.04.1925. – С. 3; Baskakov, Life in Soviet Russia.
- 66 Савов. Первая с.-х. группа из Австралии выехала в СССР.
- 67 И. Савков – членам 1-й с.-х. группы, 6 октября 1924 // Краеведческий музей Кирсановского округа.
- 68 И. Савков – членам 1-й с.-х. группы; Метрические книги Слюдянской церкви на <https://ya.ru/archive>; NAA, A1, 1924/30649; Керенская Русская группа IWW // Рабочая жизнь, Брисбен. – 18 апреля 1917. – С. 3.
- 69 NAA, A6286, 1/68, Q.F. 2033; NAA, A1, 1924/30649.
- 70 И. Савков – членам 1-й с.-х. группы.
- 71 Метрические записи Квинсленда на <https://www.familyhistory.bdm.qld.gov.au/>; Cairns Post. – 1.10.1918. – С. 8; 12.12.1918. – С. 6; 8.09.1923. – С. 6.
- 72 NAA, A6286, 1/125, Q.F. 3833.
- 73 Russian Famine Relief Fund // Communist. – 20.01.1922. – С. 8; Russin Famine Fund // Communist. – 6.10.1922. – С. 4; The Cairns Post. – 5.01.1923. – С. 1.

- 74 Радистка Анна Пилипенко; [Е.] Pilipenko, Selwyn // Известия Союза русских эмигрантов, Брисбен. – 15 июля 1915, № 82. – С. 3; The Evening Telegraph, Charters Towers. – 30.10.1915. – С. 2.
- 75 NAA, A6286, 1/37, Q.F. 1292; A6286, 1/42, Q.F. 1393, 1394.
- 76 NAA, A6286, 1/56, Q.F. 1651; A6286, 1/98, Q.F. 2887.
- 77 Chillagoe notes // Townsville daily bulletin. – 6.12.1920. – С. 2; Chillagoe notes // The Northern herald. – 24.12.1924. – С. 32; Радистка Анна Пилипенко.
- 78 A day's pay for «Worker's Weekly» // Worker's Weekly. – 19.12.1924. – С. 4; Communist. – 2.01.1922. – С. 8; Communist. – 6.10.1922. – С. 4; Е. Пилипенко – Ф. Баскакову, 1924 // Краеведческий музей Кирсановского округа.
- 79 NAA, BP4/3, RUSSIAN ANTOSHIN F; NAA, A6286, 1/112, Q.F. 3372.
- 80 NAA, A1, 1915/14252; Bundaberg Mail and Burnett Advertiser. – 23.08.1911. – С. 3.
- 81 For sale – Six roomed house // The Cairns Post, 24.01.1925, с. 1.
- 82 NAA, A1, 1929/2376.
- 83 Bound for the East // Telegraph, Brisbane. – 12.03.1925. – С. 3; Busy day at port // Cairns Post. – 19.03.1925. – С. 4.
- 84 С.Ю. Храмов, Общественно-политические издания российской эмиграции в Манчжурии // Власть и управление на Востоке России. – 2007. – № 2. – С. 78-79.
- 85 Привет уезжающих рабочим Австралии // Трибуна, Харбин. – 26 апреля 1925. – С. 2.
- 86 Из Австралии домой // Трибуна, Харбин. – 26 апреля 1925. – С. 2.
- 87 Elena Govor, My Dark Brother: the Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family. – Sydney: UNSW Press, 2000.
- 88 Приезд иммигрантов // Вечерняя Москва. – 15 мая 1925 года. – С. 1; ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 15; Радистка Анна.
- 89 NAA, A1, 1938/17352; BP4/1, 66/6/149.
- 90 NAA, A1, 1926/4584.
- 91 ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 15.
- 92 ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 502.
- 93 Там же. – Л. 554.
- 94 ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 503, 545; Д. 14. – Л. 49.
- 95 Баскаков. Автобиография // Семейный архив Баскаковых.
- 96 РГАСПИ. – Ф. 495. – Оп. 95. – Д. 9. – Л. 114; ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 263; И. Савков – членам 1-й с.-х. группы, 6 октября 1924.
- 97 ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 14. – Л. 48 об.
- 98 NAA, A1, 1929/2376; A1, 1926/4584.

- 99 NAA, J2773, 713/1929.
- 100 ГАТО. – Ф. Р-5065. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 466.
- 101 NAA, BP4/3, RUSSIAN RUBAN KONRAD; BP4/3, RUSSIAN RUBAN KESHA; J2773, 541/1920; Сообщение Галины Леденевой 16.03.202.
- 102 NAA, A1 1917/3938; BP4/3, RUSSIAN ZOUKO P.
- 103 NAA, A1, 1927/18445; BP4/3, RUSSIAN SHAPALIN J; BP4/3, RUSSIAN SHAPALIN K.
- 104 Посемейный список членов 1-ой сельскохозяйственной коммуны ... 1925 г.
- 105 В. Киришон, Неудачи леди Астор // Правда. – 2 августа 1931. – С. 2.
- 106 Первенство РСФСР по плаванию // Красный спорт. – 14 августа 1927. – С. 2; Swimming. Mr. W. Kuder Q.A.S.A. Secretary's Impressions of the Tour // Cairns Post. – 16.04.1923. – С. 7.
- 107 A call from Russia // Worker, Brisbane. – 2.07.1930. – С. 16.
- 108 https://nkvd.memo.ru/index.php/Крухмалев,_Александр_Федорович
- 109 NAA, B741, V/243.
- 110 По биографическим материалам, собранным Ильей Шевелевым.
- 111 NAA, A1, 1938/17352.
- 112 NAA, A659, 1941/1/5664. Society of Technical Aid to Soviet Russia – Applicants for naturalisation – Not to be a member of.
- 113 NAA, A1, 1929/2376; BP4/1, 66/6/149; The Nellore's passengers // Sydney Morning Herald. – 14.03.1930. – С. 16.
- 114 "G.B.S." in Russia // Queenslander Illustrated Weekly. – 7.09.1933. – С. 44.
- 115 A Russian commune described, in E.E.V. Collocott, Communism // Methodist, Sydney. – 9.01.1932. – С. 10.
- 116 E.E.V. Collocott, Communism // Methodist, Sydney. – 9.01.1932. – С. 10.
- 117 Баскаков. Моя автобиография.
- 118 Прокуратура Тамбовской области – Т.В. Баскаковой, 20. 01.2007; Удостоверение 22.02.1939 // Семейный архив Баскаковых.
- 119 Ф.М. Баскаков – в Верховный суд РСФСР, 10 марта 1967 // Семейный архив Баскаковых.
- 120 М.Ф. Баскаков – в Тамбовскую областную прокуратуру, 1 июля 1967 // Семейный архив Баскаковых.
- 121 Прокуратура Тамбовской области – Т.В. Баскаковой.
- 122 W. Bashkoff [sic], "Our collective farm is a millionaire" // Tribune. – 25.02.1953. – С. 6.

Об авторе

Елена Говор — австралийский историк и писатель из Беларуси. Окончила Минский институт культуры, работала в отделе южнотихоокеанских исследований Института востоковедения АН СССР. С 1990 г. — аспирантка, затем научный сотрудник Австралийского национального университета. Занимается исследованием ранней российской эмиграции в Австралии и историей русско-австралийских контактов.

Среди ее работ книги: *Российские моряки и путешественники в Австралии* (М., 1993; М., 2007; совместно с А. Я. Массовым); *Australia in the Russian Mirror: Changing Perceptions, 1770–1919* (Melbourne, 1997); *My Dark Brother: The Story of the Illins, a Russian-Aboriginal Family* (Sydney, 2000); *Russian Anzacs in Australian History* (Sydney, 2005); *Twelve Days at Nuku Hiva: Russian Encounters and Mutiny in the South Pacific* (Honolulu, 2010); *Falling Stars: The Story of Anzacs from Ukraine* (Canberra, 2017); *Tiki: Marquesan Art and the Krusenstern Expedition* (Leiden, 2019; совместно с Nicholas Thomas); *Voices in the Wilderness: A Digest of Russian-Language Press in Australia 1912–1919* (Melbourne, 2024; совместно с K. Windle); *Искры костра. Реконструкция биографии Петра Уткина* (Владивосток, 2026; совместно с Т. М. Климентьевой).

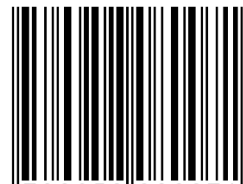
Содержание

Между прошлым и будущим	3
В счастливую страну за океаном.....	5
В «Рабочем раю»	9
«Из верноподданных переселенцев в ярых социалистов».....	13
«Керенский отдел»	19
Границы, паспорта и визы	24
Первая сельскохозяйственная коммуна в Австралии.....	27
Австралийские ходоки.....	30
Первая группа коммунаров.....	33
Долгий путь в Страну Советов	43
«Прибыли в коммуну благополучно»	48
Вторая группа коммунаров	53
И снова в путь	67
По состоянию здоровья?	72
История о советском паспорте	76
Новые коммунары	84
Австралийское эхо в Ире	85
Эхо Ирской коммуны в Австралии.....	93
Годы репрессий	96
Эпилог	100

Книга «Из Австралии в коммуны Ленина» посвящена истории группы российских эмигрантов, приехавших в Австралию накануне Первой мировой войны, и в 1924–1925 годах отправившихся в коммуны имени Ленина в Ире в Кирсановском уезде. Реконструкция жизни этого временного сообщества россиян в процессе транзита знакомит читателя с особенностями миграций и умонастроениями россиян в начале XX века. Автор, историк Елена Говор, подготовила исследование на основе архивных документов и газет Австралии, Советского Союза и русского зарубежья, а также семейных архивов коммунаров при содействии участников инициативной группы «Ирская коммуна».

ISBN 978-0-9580800-7-1

9 780958 080071